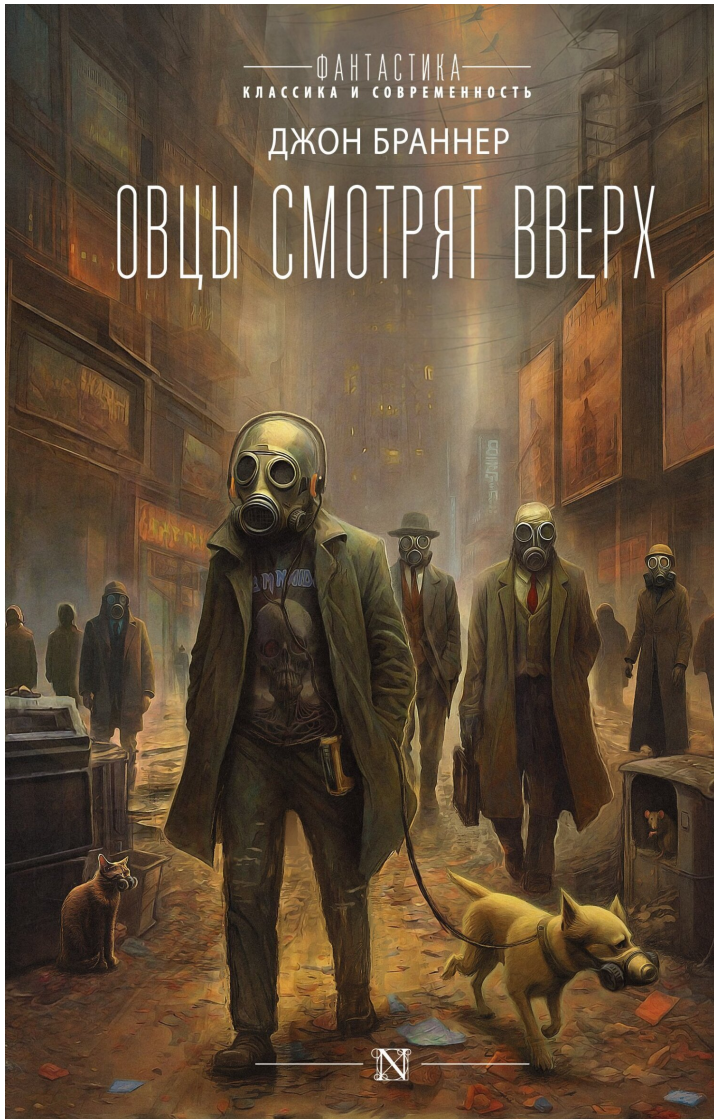

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЖОН БРАННЕР

ОВЦЫ СМОТРЯТ ВВЕРХ

Джон Браннер
Овцы смотрят вверх
Серия «Фантастика:
классика и современность»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69692845

*Овцы смотрят вверх:
ISBN 978-5-17-147342-6*

Аннотация

Возможно ли остановить катящийся под горку Западный мир? Что станет с человечеством в ближайшем будущем, и есть ли у него это будущее?

Америка, 80-е годы XX века. Жадность крупнейших корпораций привела к непоправимому загрязнению воды, воздуха, продуктов питания. Население страдает от недоедания и всевозможных болезней, с каждым днем на улицах все больше безработных. Средства массовой информации кормят народ сказками про сплоченность, единство и светлое будущее, но верящих во все это с каждым днем все меньше. Ученый-исследователь Остин Трейн неожиданно для самого себя становится символом борьбы простого американца за свои права.

В антиутопическом романе-предостережении 1972 года «Овцы смотрят вверх» Браннер умело вскрывает все болевые

точки глобализма, сталкивая природу и цивилизованного человека в смертельном противостоянии.

Содержание

Декабрь	7
Перспективы	7
Кровавая резня	9
Знаки времени	11
Не на наших звездах	12
Насест для кур	28
Захваченные и вовлеченные	31
Это газ	36
Холод, тишина и покой	39
Неизлечимо кровоточащее сердце	50
Корень проблемы	51
Дефицит	58
Хоть и любовь имеешь, а все ты – медь звонящая	63
Пространство для данного объявления предоставлено издателем в качестве доброй услуги	72
Мы приносим надежду	73
От отдела к отделу	74
Мораль двадцатого века	80
Плохая сочетаемость	95
Спасение	96
Январь	114

Приказ к наступлению	114
На сверхзвуке	116
Лапша на ушах	117
Счет к оплате	124
Крысы	126
Облако величиною с ладонь человеческую	133
Привет от лауры	135
Обгоняя новости	143
Это имеет значение	144
Во имя добрых отношений!	150
Копать тебе не перекопать	151
Едва заметный след	160
Все продолжается	166
Экскаватор	167
Разборка	176
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Джон Браннер

Овцы смотрят вверх

© Brunner Fact and Faction Ltd, 1972

© Перевод. В. Миловидов, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

*Памяти Изобель Грейс Сойер (1887–1970),
урожденной Розамонд,
посвящается*

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЗАСОРЯЙТЕ ПРИЧАЛ!
МУСОР БРОСАТЬ В ВОДУ!

Неоновая надпись из экспозиции лондонского музея
«Свалка Господня»; редактор Питер Блейк

Декабрь

Перспективы

*Настанет день, когда все дети на Земле
Жить станут в сыте, в холе и в тепле.
А волки кровожадные и злые львы
Свирепой не поднимут головы.*

*И, с дерева слетев, сухой прогнивший сук
Жестоко не сразит ребенка вдруг.
И станет рощею дремучая тайга,
Среди пустынь раскинутся луга.*

*Счастливый и беспечный детский хоровод
Сольется в танце у спокойных вод,
И радостно воскликнет нежное дитя:
«На западе, откуда прибыл я,*

*Мой дед смирил могучий страшный океан,
И озерцом отныне стал титан».
Другой же скажет: «На востоке, где мой дом,
Где с матерью моею мы живем,*

Не встретить боле кровожадного зверья,

Лишь в клетках львов и тигров видел я».
И дикий север, царство вечных холодов,
В сад райский обратится, и цветов

Ковер покроет прежде мертвые поля,
И оживет продрогшая земля.
И Южный полюс благородный человек
Уютным домом сделает навек.

Рождество в Новом Риме, 1862.

Кровавая резня

Дикие звери?

Средь бела дня на шоссе, ведущем к Санта-Монике?

Устроили охоту и рвут всех на части?

Это безумие! Безумие!

Такое привидится только в ночном кошмаре: ты зажат со всех сторон, ты не можешь даже пошевелиться, а отовсюду, дыша смрадом из разверстых пастей, на тебя насаждают дикие звери. Растянувшиеся на целую милю, три полосы шоссе пытаются на выходе втиснуться в две. Машины ревут, норовят оттолкнуть друг друга, поцарапать друг другу борта. И ты хотел бы сбежать отсюда, но понимаешь: остаться в этом месиве безопаснее.

Серый свет неба тускло блеснул, отразившись от клыков пумы.

Волнообразный ягуар выпустил острые, как ножи, когти.

А вот, напружинившись, изготовилась к удару кобра.

В зените парит кровожадный сокол, а сбоку неслышно подплывает голодная барракуда.

И все-таки, когда нервы твои не выдерживают и ты бросаешься в бегство, настигают тебя не они, а скат-хвостокол.

Знаки времени

КУПАТЬСЯ С БЕРЕГА ОПАСНО

Вода не питьевая

ПОТРЕБЛЯТЬ В ПИЩУ ЗАПРЕЩЕНО

ВЫМЫТЬ РУКИ! (Штраф за нарушение правила –

50 долларов)

ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ

ФИЛЬТРУЮЩИХ МАСОК

(Использовать не дольше чем в течение часа!)

КИСЛОРОД – 25 центов

Не на наших звездах

Голос из радиоприемника не унимался: «Безопасность – это все, что вам необходимо, и мы ее обеспечим! В наилучшем стиле. Мы – агентство “Твердыня”».

Въезд на парковку перегораживал огромный автобус. Немецкий, на электротяге. Из автобуса вываливались пассажиры. Нетерпеливо постукивая костяшками пальцев по рулевому колесу, Филип Мейсон напрягся. Это что, реклама конкурентов?

Вкрадчивый голос, сопровождаемый издевательски нестройными аккордами скрипок и виолончелей, между тем продолжал: «Вы заслужили того, чтобы спать спокойно. Если отправитесь в долгий отпуск, вам не нужно будет тревожиться о доме, что остался без хозяина. Дом человека – его крепость, и мы вам это докажем!»

Нет, это не страховая компания. Какая-то фирма по охране недвижимости. Но какого черта здесь делает этот автобус? Нашел где остановиться! Если судить по цвету, обычный, рейсовый из Лос-Анджелеса, и название на боку, как и положено, вот только пункта назначения не видно – там висит табличка «ЗАКАЗНОЙ». А кто там, внутри, через грязные окна и не увидишь. Впрочем, у него самого окна не чище. Филип Мейсон хотел было просигналить, но вместо нужной кнопки нажал рычаг стеклоочистителя. Дворники зара-

ботали, и через мгновение он понял, что поступил правильно. Через лобовое стекло он наконец различил с полдюжины унылых детских физиономий – три черненькие, две желтые и одну белую. На переднем сиденье автобуса угнездилась пара костылей. Вот те на!

Радиоприемник не унимался: «Это мы построили для вас вашу неприступную крепость, ваш замок. По ночам наши охранники стоят на всех входах, а там, где их нет, заборы поверху защищены шипами колючей проволоки. Агентству “Твердыня” служат лучшие из лучших! Наши специалисты – бывшие полицейские и отставные офицеры морской пехоты».

Конечно! С тех пор как нас вышибли из Азии, недостаток в головорезах у них нет. Ага! Автобус дает сигнал к отправке! Медленно тронувшись, надеясь проскочить на парковку, как только автобус отойдет на достаточное расстояние, и краем глаза заметив на заднем окне автобуса табличку с названием компании-нанимателя (какой-то фонд «Сообщество Земли»), Филип Мейсон мигнул фарами автомобилю, который двигался вслед за автобусом, дескать: пропусти! Увидев, что тот согласен, Филип надавил на газ, но тут же затормозил. Проезд, ведущий на парковку, пересекал калек, инвалид, азиат-подросток, вероятнее всего вьетнамец, – с усохшей ногой, согнутой в колене и подвязанной к бедру. Широко раскинув руки, мальчик поддерживал равновесие, ухватившись за края алюминиевых ходунков, от которых к

его телу и ногам тянулись многочисленные ремни.

О, слава богу, с Гарольдом не все так плохо!

Въезд на парковку охраняют темнокожие. Мысль о том, что он мог бы переехать юного калеку прямо под дулами их автоматов, бросает Филипа в пот. Желтый – это почти что черный, только еще лучше. Цветной всегда придет на помощь цветному.

Думать о помощи! И в такое время? Лучше заткнуться!

«Вам не придется бояться за своих детей, – продолжало мурлыкать радио. – Бронированные автобусы станут ежедневно забирать их от ворот вашего дома и доставлять в школу, которую вы для них выбрали. Ни на секунду они не останутся без присмотра ответственных, заботливых взрослых».

Судорожно вихляясь и подсакивая, мальчик-калека наконец пересек въезд на парковку, и Филип смог тронуться вперед. Охранник разглядел на ветровом стекле его машины стикер с логотипом компании и, нажав кнопку, поднял полосатый красно-белый шлагбаум. Потeya сильнее, чем обычно (он страшно опаздывал, хотя и не по собственной воле, но и понимая это, ощущал, как на него накатывало смутное чувство вины за все, что произошло сегодня, – от взрыва бомбы в Балтиморе до захвата Бали коммунистами), Филип осмотрелся. О черт! Все битком забито! Ни одного свободного местечка, куда бы он мог быстро припарковаться без посторон-

ней помощи. Теперь придется втискиваться, подавая то назад, то вперед, выгадывая и выигрывая по паре дюймов.

«Ваши дети будут играть в залах с кондиционированным воздухом, – обещающе продолжало радио. – И в любое время, если им понадобится врачебная помощь, врач будет под рукой. Двадцать четыре часа в сутки, цена минимальная!»

Это хорошо для тех, кто в год заколачивает сотню тысяч долларов. А для большинства эти «цены минимальные» – настоящий грабёж! Мне-то это отлично известно! Так что, никто из охранников не собирается мне помочь? Выходит, нет – все вернулись на свои посты!

Обуреваемый яростью, Филип Мейсон опустил боковое стекло и принялся отчаянно жестикулировать, стараясь привлечь внимание охранников. Воздух ворвался в салон автомобиля, Филип тотчас же закашлялся, а из глаз его брызнули слезы.

Нет, эта атмосфера не для него!

«А теперь – полицейские новости», – произнес диктор по радио.

Один из охранников повернулся в его сторону, и его физиономия, не отягощенная маской, выразила... удивление? Презрение? Как еще мог он отнестись к этому белому, который даже дышать простым воздухом не может и сразу сбивается на кашель? Охранник, вздохнув, направился к машине Филипа.

«Слухи о том, что в долине Санта-Инес солнце так и не

встало, лишены оснований, – проговорило радио. – Я повторяю». И радиоприемник снова проговорил ту же новость, но голос его был заглушен ревом самолетных двигателей, дошедшим из-за облаков. Филип сунул руку в карман и выудил оттуда пятидолларовую бумажку.

– Найдите местечко и припаркуйте мою машину, – сказал он, протягивая деньги охраннику. – Я – Мейсон, менеджер денверского отдела. Опаздываю на встречу с мистером Чалмерсом.

Едва успел договорить, как приступ кашля вновь согнул его пополам. От едкого воздуха защипало горло. Он представил, как слизистая поверхность горла затвердевает, покрывается роговой оболочкой и начинает шелушиться. Если по работе придется чаще, чем обычно, ездить в Лос-Анджелес, придется покупать фильтрующую маску. И черт с ним, пусть считают меня неженкой. Он же видел, пока сюда ехал – не только девицы теперь носят маски.

Радио забормотало о немислимых пробках, задушивших дороги, ведущие на север.

– Сделаем! – проговорил охранник, ловко сворачивая долларовую бумажку в трубочку, словно крутил косяк. – Не волнуйтесь. О вас спрашивали.

И он кивнул в сторону неоновой рекламы, сверкающей над вращающейся дверью и желающей всему миру веселого Рождества от лос-анджелесского бюро Федеральной службы спасения.

Спрашивали? Надеюсь, они не начали без меня?

На полу вращающейся двери – знаки созвездий: Весы, Скорпион, Стрелец. Дверь поворачивалась с нажимом – должно быть, воздушные замки по ее периметру были обновлены совсем недавно. По ту сторону двери Филипа принял в свои холодные объятия мраморный холл, также украшенный знаками зодиака. Философия жизни, которой придерживалось население Лос-Анджелеса, основывалась на идее бегства от предназначенной тебе судьбы, а потому такого рода полупоэтические украшения нравились и тем, кто верил в астрологию, и тем, кто был настроен скептически к подобной ерунде.

В холле воздух был не только очищен, но и слегка ароматизирован. На скамейке у стены сидела и, как видно, уже давно ждала кого-то хорошенькая девушка-мулатка в обтягивающем зеленом платье с длинными рукавами. Из-под платья у нее выглядывали черные туфли на высоченных каблуках, но весь ее строгий и неприступный вид нивелировал широкий разрез на платье, сделанный спереди, через который были видны трусики с кустиком шерсти, имитирующим лобковые волосы.

Господи! Вчера ночью в Вегасе я, должно быть, сошел с ума. Я же знал, что нужно хорошенько выспаться, чтобы сегодня быть в форме. Но кто из нас поступает разумно? Боже! Понятно было, что все этим и закончится. И зачем я это сде-

лал? Захотелось разнообразия? Что-то срочно самому себе продемонстрировать? О, Денни! Клянусь, я люблю тебя! Я совсем не хочу отказываться от этой замечательной работы, а на эту девицу я даже и не посмотрю. Чалмерс сидит на третьем этаже. Где указатели? Здесь, за автоматом с фильтрующими масками.

(И тем не менее я чувствую некую гордость оттого, что работаю с фирмой, которая заботится о своем имидже – даже в мелочах: самая распоследняя секретарша у них одета по последней моде, и не в какой-то там орлон или нейлон, а в *шерсть*. Поистине прогрессивная компания!)

Ну и как, скажите на милость, не задержать на ней взгляд?! Девица поднялась со скамейки и приветствовала Филипа широкой улыбкой.

– Вы – Филип Мейсон, – произнесла она несколько хрипловатым голосом. Приятно было осознавать, что и все прочие люди, живущие в Лос-Анджелесе, страдают от местного воздуха. Единственное, что настораживает, так это некая сексуальность, что сквозит в этой легкой хрипотце. – Мы встречались, когда вы были здесь в прошлый раз, но вы, наверное, не помните. Я – помощница Билла Чалмерса, Фелиция.

– Конечно же, я вас помню, – отозвался Филип, превозмогая приступ кашля и чувствуя легкое покалывание в веках. Сказал он это не просто из вежливости – когда он был здесь в последний раз летом, он видел эту девицу; она была

в коротком платье и с другой прической.

— Где можно помыться? — спросил он, демонстрируя Фелиции свои ладони и давая понять, что хочет ограничиться руками. Ладони были действительно липкими от грязи, которая сумела пробиться через электрофильтры, установленные в его машине. В Калифорнии нужны фильтры помощнее.

— Прямо по коридору и направо, — ответила помощница Чалмерса. — Я подожду вас здесь.

На дверях мужского туалета красовался знак Водолея, а на женском — Девы. Когда он только начал работать на эту компанию, он рассмешил коллег, заявив, что в целях достижения истинного равенства полов и для женщин, и для мужчин следовало бы оставить только одну дверь, украсив ее знаком Близнецов. Но сегодня он был отнюдь не в игривом настроении.

Филип зашел в мужскую комнату, увидел под дверным проемом одной из кабинок чьи-то ноги и насторожился — ограбления в туалетах нынче не редкость. Стоя над писсуаром, он краем глаза держал подозрительную кабинку в поле зрения. Послышался едва различимый всасывающий звук, после чего звякнуло стекло. О господи! Этот тип за дверью наполнил шприц! Неужели там наркоман, решивший удовлетворить свои недешевые интересы в укромном местечке? Не достать ли газовый пистолет на всякий случай?

Нет, это, конечно, паранойя. Башмаки незнакомца начищены до блеска. Наркоман не станет так заботиться о своей внешности. Последний раз на Филипа нападали пару лет назад, и с тех пор порядка стало больше. Он отошел к ряду умывальников, но, впрочем, выбрал тот, в зеркале которого отражалась опасная кабинка.

Стараясь не испачкать грязной рукой светлую ткань брюк, Филип осторожно проник в карман, чтобы достать монетку. Черт побери! С тех пор, когда он был здесь в последний раз, они перенастроили подачу воды. У него в кармане были монетки по пять и двадцать пять центов, а автомат принимал теперь лишь десятицентовики. А что насчет бесплатной воды? Увы!

Он уже готов был вернуться к Фелиции и попросить монетку у нее, как вдруг дверь подозрительной кабинки распахнулась и оттуда, одергивая пиджак, вышел человек, одетый в черный костюм. Правый карман пиджака у этого типа оттопыривался чем-то явно тяжелым, а в чертах лица проступило что-то знакомое. Филип почувствовал, как напряжение отпускает его. Никакой это не наркоман. Наверняка у него диабет или гепатит. Если судить по полным щекам и багровому цвету лица, могло быть и то и другое... Но кто он?

– О! Вы тоже пришли на эту встречу с Чалмерсом! – проговорил тип и, приветственно протянув ладонь, двинулся к Филипу, но тут же, хмыкнув, отдернул руку.

– Простите, но сперва я чуток ополоснусь, – сказал он и

представился: – Я Хокин из Сан-Диего.

Тактичен, ничего не скажешь.

– А я – Мейсон из Денвера, – отозвался Филип. – Кстати, у вас не найдется лишнего десятицентовика?

– Не проблема! Буду только рад!

– Вот спасибо! – пробормотал Филип, аккуратно устанавливая пробку в сливное отверстие раковины – неизвестно, сколько воды они отвешивают за десять центов; но если столько же, сколько в прошлом году отпускали за пять, ее едва хватит на то, чтобы намылить и смыть руки. Филипу было уже тридцать два, но сегодня он чувствовал себя неуклюжим, растерянным подростком, которому со всех сторон грозила опасность. Правда, глянув в зеркало, он успокоился; все с ним было в порядке, зачесанные назад каштановые волосы выглядели вполне презентабельно, но вот беда: Хокин оделся, исходя из практических соображений, и на его почти черном костюме оседающая из воздуха грязь была незаметна; Филип же был в полуспортивном бледно-голубом, потому что Денис уверяла его, что этот цвет идеально подходит цвету его глаз, и, хотя ткань костюма не мялась, на воротнике и манжетах проступил пугающий темный налет. Взять на заметку: в следующий раз, когда поеду в Лос-Анджелес...

Вода была ужасна и вряд ли стоила десяти центов. Хорошо, что компания не брала плату за пропитанные мылом салфетки, но и от бесплатных толку было мало – Филипу едва удалось намылить ладони. Когда он ополаскивал лицо, в рот

ему попало несколько капель, и он почувствовал вкус морской соли и хлорки.

– Как я вижу, вы тоже припозднились, как и я! – сказал Хокин, поворачиваясь к сушилке для рук. Слава богу, это тоже было бесплатно. – Меня притормозили эти грязные трейниты, которые заполонили весь Уилшир.

Зря он сполоснул лицо. Досадная ошибка – ни полотенец, ни бумажных салфеток в туалете не было и в помине. Нужно было сначала проверить, а потом уж полоскаться. Все дело, как он где-то читал (хотя и не связал эти два факта воедино), в волокнах целлюлозы, обнаруженных в водах Тихого океана. Вновь почувствовав себя беспомощным подростком, он наклонился и подставил лицо под струю горячего воздуха, бьющего из сушилки, и, усмехнувшись про себя, подумал: и до чего мы дойдем? Станем, как мусульмане, пользоваться камнями вместо туалетной бумаги?

Нет, лицо нужно сохранить во что бы то ни стало.

– Нет, я попал в аварию на шоссе у Санта-Моники.

– Да, я слышал об этом. Сплошные аварии. Ходят слухи, из-за солнца. Что, появлялось?

– На этот раз причина другая, – отозвался Филип и неожиданно для себя захотел удостовериться, что в пределах слышимости нет ни одного цветного или цветной – вроде Фелиции или охранников, что остались на парковке. – Какой-то черномазый выскочил из своей тачки, которая шла в середине потока, и попытался перебежать встречную полосу.

– Ничего себе! Под наркотой, что ли?

– Похоже на то... О, спасибо!

Хокин галантно придержал для Филипа открытую дверь.

– Естественно, что все, кто шел в нашу сторону по скоростным полосам, врубили по тормозам, – продолжил Филип. – Кого-то занесло, многие столкнулись. Штук сорок въехали друг в друга. Того типа только чудом не задело. Но на встрече автомобили делали под шестьдесят пять миль в час, и, перебравшись через бортик, он рухнул прямо перед спортивной машиной.

– О господи! – сокрушенно покачал головой Хокин.

Они подошли к Фелиции, которая придерживала для них лифт. Пропустив ее вперед, они вошли в кабинку, и Хокин протянул руку к панели управления.

– На третий, не так ли? – спросил он девушку.

– Нет, – покачала та головой. – На этот раз мы не у Билла в офисе, а в конференц-зале на седьмом этаже.

– И что, машину повредили? – спросил Хокин, вновь повернувшись к Филипу.

– Да нет, мне повезло. Ни царапины. Но пришлось посидеть с полчаса, пока дорогу не расчистили... А вас, как я понял, задержали трейниты.

– Да, в Уилшире.

Профессиональная улыбка на физиономии Хокина уступила место угрюмой усмешке.

– Вшивые пройдохи, – продолжил он. – Если бы я знал,

что парился ради них... Вы ведь тоже хлебнули горюшка в свое время, верно?

– Конечно. В Маниле.

– А я тянул лямку во Вьетнаме и Лаосе, – покачал головой Хокин.

Кабинка лифта замедлила движение, и они посмотрели на цифры, светящиеся на панели управления. Как оказалось, они были на пятом, а не на седьмом. Двери раскрылись, и за ними оказалась женщина с лицом в пятнах.

– О черт! – пробормотала она, но тем не менее вошла в лифт.

– Я поеду с вами, а потом вернусь вниз, – сказала она более громко. – А то в этом вонючем здании лифта можно ждать до судного дня.

Тусклый свет в конференц-зал лился сквозь широкие желто-серые окна. Двоих опоздавших не стали ждать, и совещание уже началось. Филип был рад, что входит в зал не один. Человек восемь-девять сидели в удобных креслах с откидными столиками, на которых лежали книги, блокноты, записывающие устройства. Напротив них, за столом, сидел вице-президент компании, отвечающий за работу отделений, расположенных в разных штатах. Черноволосый, чуть меньше пятидесяти, он отрастил себе брюшко, которое никак не хотело мириться с обтягивающим фигуру костюмом хозяина. Войдя, Филип Мейсон и Хокинг прервали речь То-

маса Грея, старшего менеджера по управлению рисками, лысого пятидесятилетнего человека, который носил очки с такими толстыми стеклами, что, казалось, именно их весу хозяин очков должен быть благодарен за свою сутулость. Грей недовольно посмотрел на вошедших, ограничившись сухим кивком. Чалмерс же, напротив, приветствовал опоздавших вполне радушно, махнул рукой, когда те принялись извиняться, и указал им на свободные места – конечно, в переднем ряду. Настенные часы показывали начало двенадцатого, в то время как совещание было назначено на десять тридцать. Филип постарался не заикливаться на этом обстоятельстве, сел в предназначенное для него кресло, убрав оттуда папку с документами, и быстро обменялся механической улыбкой с коллегами, чьи физиономии показались ему отдаленно знакомыми.

Отдаленно...

Не думать о Лауре. Денни! Я люблю тебя! Я люблю Джо-зи, я люблю Гарольда. Я люблю свою семью. Но если бы ты только не настаивала на моем...

О, заткнись! Прекрати делать из мухи слона!

Но, в конце концов, ситуация действительно складывалась рискованная. Так уж получилось, что он был на семь лет моложе всех региональных менеджеров страховой компании «Город Ангела», которые сидели и в самом Лос-Анджеле-

се, и в Орегоне, и в Юте, и в Аризоне, и в Нью-Мексико, и в Техасе, и в Колорадо. Поговаривали, что на следующий год его переведут в Техас – главой подразделения, но пока этого не произошло. А что все это означало? А то, что ему в затылок дышат безработные толпы квалифицированных управленцев, да еще и с университетскими степенями. У него в Денвере шестеро обычных агентов – доктора философии! Долго оставаться на одном месте...

– Я могу продолжать? – недовольно произнес Грей. Филип устроился поудобнее. Когда он впервые встретил менеджера по управлению рисками, то решил, что тот является простым приложением к своему компьютеру и единственная реальность для него – это цифры.

Вскоре, однако, Филип узнал, что именно Грею принадлежит идея использовать астрологическую символику в рекламных материалах «Города Ангела», предназначенных для людей моложе тридцати, и что их бизнес среди данного контингента растет пропорционально росту этого сегмента населения – успех, которым не могла похвастаться ни одна фирма. Именно поэтому Грею, как человека, безусловно, умного, следовало послушать.

– Благодарю вас, – произнес Грей, не дождавшись ответа. – Я как раз объяснял цель вашего приезда.

Полуприкрытые безумные глаза, дыхание, хрипло вырывающееся из груди! Бессмысленно отрицать – ни с одной из

женщин я не чувствовал себя до такой степени мужчиной!

Филип дотронулся кончиком языка до внутренней стенки щеки. Она наотмашь ударила его по лицу и, яростно сверкнув глазами, выбежала из номера в мотеле – как он посмел предложить ей деньги! Щеку она ему поранила, и кровь текла минут пять. Ранка была как раз напротив правого верхнего клыка, самого острого из его зубов.

– Просто с первого января мы повышаем премиальные выплаты по договорам страхования жизни. До этого, как известно, мы исходили из предположений, что средняя продолжительность жизни в Соединенных Штатах будет неуклонно расти. Но, как оказалось, в последние три года наблюдается ее неуклонный спад.

Насест для кур

Ровно в девять трейниты разбросали на улице кальтropy – сварные железяки с острыми концами, – чем спровоцировали монументальную пробку общей площадью в семь кварталов на двенадцать. Легавые, как обычно, были переброшены совсем в другое место – у трейнитов было множество сторонников, желающих совершить отвлекающий маневр и оттянуть полицию на себя. Невозможно даже предположить, где и сколько сторонников и противников имели сподвижники Трейна, но, грубо говоря, если в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Лос-Анджелесе или Сан-Франциско любые выходы участников движения вызывали радостное одобрение, то в пригородах или в маленьких городках Среднего Запада, услышав об акциях трейнитов, люди готовы были, недолго думая, схватиться за оружие. Иными словами, меньше всего трейниты имели поддержки там, где люди голосовали за Президента.

Затормозив движение, трейниты стали травить стекла машин дешевым, но едким химикатом, а на дверях писать краской лозунги. Некоторые из них оказались достаточно длинными: «ЭТО ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!». Некоторые – покороче: «ВОНЮЧКА!». Но чаще всего трейниты выводили на машинах ставшее популярным «ОСТАНОВИСЬ! ТЫ МЕНЯ УБИВАЕШЬ!».

И в конце каждого лозунга они малевали яйцеподобный овал, а под ним крест – упрощенный идеограмматический вариант главного символа трейнитов, черепа со скрещенными внизу костями.

Затем, сверившись со своими записями, которые через некоторое время уже гонял по дороге и по сточным каналам ветер от проезжавших машин, трейниты отправлялись к ближайшим магазинам и писали свои лозунги на витринах, причем подходили они к каждому магазину и магазинчику строго индивидуально.

Сделать это было нетрудно.

Подростки, школьники старших классов, свободные от уроков, развлекались тем, что потешались над злыми автомобилистами и владельцами изуродованных витрин. Некоторые из них соображали достаточно туго и не успели убежать, когда налетела вызванная по радио полиция. Хулиганам пришлось совершить свою первую прогулку в суд, разбиравший дела несовершеннолетних. Но что ни делается – все к лучшему. Им было уже достаточно лет, чтобы понять: срок означает освобождение от призыва в армию. Срок – спасение от преждевременной смерти.

Большинству водителей, однако, хватило ума все это время не вылезать из машин, где они сидели за утратившими прозрачность стеклами и подсчитывали убытки. Практически все они были вооружены, но никто и не подумал достать

пистолет. В Сан-Франциско один попробовал было, ровно месяц назад. Девушка, из нападавших, была застрелена, а ее приятели, совершенно неотличимые один от другого в своих масках и домотканых балахонах, вытащили стрелявшего из машины и тем же едким химикатом, которым травили стекла, вытравили на его коже слово «УБИЙЦА».

А просто опустить окно и поругаться с демонстрантами смысла не было: долго дышать в этом воздухе человек не в состоянии – глаза и горло режет.

Захваченные и вовлеченные

– Нетрудно убедить людей в том, что автомобили и оружие опасны по самой своей природе. Если верить статистике, почти у каждого жителя нашей страны кого-то застрелили – дома или за границей; связь же между машинами и несчастными случаями на дорогах настолько очевидна, что общественное сознание уже не может отрицать сам факт этой связи, угрожающий обществу.

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ АВТОРЫНОК.

Новые и подержанные автомобили!

Свинец является причиной различных заболеваний у детей и взрослых. Концентрация свинца в водах, омывающих Калифорнию, превышает 12 миллиграммов на кубический метр. Свинец явился дополнительным фактором падения Римской империи, правящий класс которой поедал пищу, приготовленную на свинцовых жаровнях, и пил вино, ферментированное в чанах, изготовленных с добавлением свинца. Обычные источники свинца – краски, высокооктановый бензин (там, где он все еще используется), а также болота, в течение многих поколений загрязнявшиеся стоками, содержащими свинец.

– С другой стороны, людям гораздо труднее объяснить, почему представляет опасность такое внешне безобидное заведение, как салон красоты. Кстати, совсем не потому, что у некоторых женщин аллергия на обычные косметические средства.

Центр красоты «Нанетт». Средства косметики и парфюмерии. Парики

Полихлорированные бифенилы представляют собой отходы производства пластика, смазочных материалов и косметических средств. Объемы выбросов тождественны существующим выбросам ДДТ. Менее токсичны, чем ДДТ, хотя и оказывают точечное воздействие на стероидные гормоны. Обнаружены в музейных образцах, собранных начиная с 1944 года. Документально установлено, что полихлорированные бифенилы убивают птиц.

– Точно так же одного незначительного интеллектуального усилия достаточно для того, чтобы от убийства растений и насекомых перейти к убийству животных и людей. И та катастрофа, что произошла во Вьетнаме, никому и ничего нового не открыла.

САД И ОГОРОД. Ландшафтный дизайн и

уничтожение вредителей. Экспертный подход

Начиная с 1969 года бурый пеликан уже неспособен размножаться в Калифорнии, месте своего обычного обитания, благодаря эстрогенному эффекту ДДТ. Яйца пеликана разрушаются в процессе формирования в теле самки.

– И наоборот: хотя мы почти не используем вещества, которые когда-то составляли основу фармакопеи, но от которых мы отказались как от безусловно ядовитых, таких как мышьяк, стрихнин, ртуть и так далее, люди в целом пришли в наше время к выводу, что любой медицинский препарат более или менее полезен. Изрядную долю своей жизни я потратил на то, чтобы ходить по фермам и убеждать людей, разводящих свиней и кур, не покупать корм, содержащий антибиотики, но они только отмахивались, полагая: чем больше пичкаешь кур и свиней этой гадостью, тем лучше. А когда их курам и свиньям становилось хуже, они покупали новые лекарства, чтобы купировать эффект прежних. Все это напоминает состязание между разработчиками новых пушек и создателями улучшенной брони – одни не дадут умереть с голода другим.

«Стейси и Шварц»

ИМПОРТНЫЕ ДЕЛИКАТЕСЫ

Трейн, Остин П. (Праудфут). Родился в Лос-Анджелесе в 1938 году. Закончил Калифорнийский университет в 1957

году со степенью бакалавра. В 1961 году получил в Лондонском университете степень доктора философии. В 1960 году женился на Кларе Шульман. Развелся в 1963 году. Детей не имеет. Сотрудничает с различными издательствами. Публикации: диссертация «Метаболическая деградация сложных органофосфатных соединений» (издательство Лондонского университета, 1962); «Великие эпидемии» (издательство «Поттер и Васарлей», 1965, переиздано в 1972 году как «Смерть на ветру» в серии «Библиотека здравого смысла»); «Исследования по рефрактивной экологии» (издательство «Поттер и Васарлей», 1968, переиздано в 1972 году как «Движение сопротивления в природе» в серии «Библиотека здравого смысла»); «Стабилизаторы и добавки в рационе американцев» (издательство «Поттер и Васарлей», 1971, переиздано в 1972 году как «Вы есть то, что вы едите» в серии «Библиотека здравого смысла»); «Пособие по выживанию для человечества» (Международный информационный бюллетень. Принято к печати – 1972 год, публикация – 1973 год); «Справочник для выживших к 3000 году от Рождества Христова» (Международный информационный бюллетень. Принято к печати – 1973 год, публикация – 1975 год). Статьи в журналах «Биологические науки», «Экология», «Биосфера», «Международное экологическое ревю», «Природа», «Наука Америки», «Вестник Американской академии естественных наук», «Субботнее обозрение», «Нью-Йоркер», «Новая наука» (Лондон), «Окружа-

ющая среда» (Лондон), «Пари Матч», «Шпигель» (Бонн), «Блиц» (Индия), «Манchette» (Рио-де-Жанейро).

Это газ

Оставив половину тарелки недоеденной (в кофейне, где он обычно завтракал весь последний год, было довольно посетителей, но обычному человеку сидеть бок о бок с легавыми неуютно, а потому столики вокруг его стола оставались пустыми), Пит Годдард встал, подошел к кассе и решил дожидаться сдачи. Через дорогу, на щитах, закрывавших здание, где раньше располагался магазин сельхозинструментов и кормов для домашних животных (хотя он исправно торговал совсем не этим, а снегоходами, запчастями к мотоциклам и прочим спортивным железом), а теперь, после реконструкции, должны были продаваться дорогие апартаменты, а еще открыться тауэрхильские отделения банков «Америкэн Экспресс» и «Колорадо Кемикэл», он увидел с дюжину нарисованных краской черных черепов со скрещенными костями внизу.

Картинка соответствовала его настроению. Накануне вечером они с Джинни устроили вечеринку по поводу первой годовщины своей свадьбы. Во рту у него было черт знает что, а голова ныла немилосердно, да к тому же Джинни пришлось встать как обычно, потому что она тоже работала, на гидропонной ферме Бамберли, а он не исполнил данного ей обещания убраться на кухне и в гостиной, и теперь, когда она вернется вечером, то увидит весь вчерашний бардак... Да,

еще это пятно у нее на ноге! Вроде не болит, но все-таки... Правда, у них на ферме есть доктора. Должны быть, во всяком случае.

Девушка-кассир, неприязненно глянув на Годдарда, уронила в его ладонь несколько монет и, отвернувшись, продолжила болтать с приятелем.

Часы на стене были единоклюбны с ручными часами Годдарда – у него было ровно восемь минут на четырехминутную поездку до участка. Но на улице стоял жуткий холод, да еще и с ветерком в придачу. Для туристов, лазающих по склонам Маунт-Хейз в поисках местной экзотики, это, может, и неплохо, но для полицейского, который по морозцу вымеряет длину тормозного пути разбившегося автомобиля, откапывает из снега обмороженный труп или разбирается с мелкой кражей, совершенной бедолагой, выброшенным с работы, в такой погоде нет ничего хорошего.

Причем воруют как мужчины, так и женщины.

А может быть, перед уходом... Возле входной двери стояла большая красная штукovina с зеркалом в верхней части. Установили ее здесь прошлой осенью. Японская. На никелированной пластине сбоку начертано: «Митсуяма. Ософай». Выглядит эта штукovina как медицинские весы. Нужно встать на платформу внизу, у пола, и вставить в щель монетку в двадцать пять центов. Курить при этом запрещается. Заплатив, подносишь физиономию к черной мягкой маске на уровне лица. Ее прикосновение напоминает поцелуй

крупного животного. Отвратительно!

Обычно Пит Годдард смеялся над теми, кто пользовался этой штуковиной, — здесь, в горах, воздух был достаточно чист, а кислорода в нем хватало, чтобы обойтись без разовой подпитки, если собрался идти куда-то далеко. С другой стороны, люди говорят, что это — отличное средство от похмелья.

Пит обратил внимание еще на несколько деталей (он очень гордился тем, что был способен обращать внимание на мелкие, но значимые детали — когда его испытательный срок закончится, он попытается перейти в следственный отдел; в конце концов, женатый человек по определению амбициозен): зеркало, изогнувшееся вокруг маски, дало трещину. Щель для монеток в зазубринах, будто кто-то пытался открыть машинку с этой стороны ножом и забрать деньги.

Пит вспомнил о водителях, убитых из-за содержимого разменных аппаратов, установленных в автобусе.

Повернувшись к официантке, он произнес:

– Мисс!

– Что?

– Ваша кислородная машинка...

– О черт! — произнесла девушка, щелкнув кнопкой на кассе. — Только не говорите мне, что этот вонючий аппарат опять полетел! Вот ваш четвертак. Можете пойти в аптеку на Тремонт-стрит, у них там три таких же урода...

Холод, тишина и покой

Белоснежная плитка, белая эмаль, нержавеющая сталь... Здесь говорят приглушенно, тихо, словно в церкви, но исключительно из-за эхо, которое гулко отскакивает от твердых стен, пола и потолка, а совсем не из уважения к тому, что спрятано за дверками, которые вертикально поднимаются от высоты колена к голове и уходят горизонтальными рядами далеко вправо и влево. Дверки эти напоминают крышки печей, только предназначены печи не для жарки и парки, а для охлаждения и замораживания.

Мужчина, идущий впереди, тоже весь в белом – халат, брюки, хирургическая маска, которая болтается у него на подбородке, нелепая тесная шапочка, прикрывающая волосы. Даже пластиковые туфли – и те белые. Если не принимать во внимание цвет ее костюма (уныло-коричневый), то здесь, кроме белого, присутствует еще только один цвет.

Кроваво-красный.

Навстречу им шел работник морга и толкал перед собой тележку, нагруженную небольшими белыми контейнерами из навощенной бумаги. К каждому из контейнеров была пришпилена красная этикетка, говорящая, в какую из лабораторий нужно доставить образец. Пока человек с тележкой и ее спутник обменивались приветствиями, Пег Манкиевич успела пробежать глазами несколько этикеток: «108562, СЕ-

ЛЕЗ. ПОДОЗР. ТИФ», «108563, ПЕЧ. ВЕРИФ. ДЕГЕНЕР. ИЗМ», «108565, АНАЛИЗ ПО МАРШУ».

– Что такое «анализ по Маршу»? – спросила она у доктора.

– Исследование на присутствие стрихнина, – ответил доктор Стэнвей, скользнув мимо тележки и продолжив движение вдоль бесконечных рядов холодильников, за дверцами которых находились мертвецы. Доктор был неестественно бледен, словно окружение, в котором он существовал, выбелило его и уничтожило в его внешности присутствие каких бы то ни было красок: щеки цветом и фактурой напоминали контейнеры для органов, которые только что проехали мимо них, волосы были пепельно-белыми, а глаза, белесо-голубые, смахивали на два озерца мелкой воды. Пег он понравился больше, чем все прочие мужчины-работники морга, – он был начисто лишен эмоций (может, он гомосексуалист?), а потому не прилипал к ней похотливыми взглядами, как это успели сделать все без исключения его коллеги-мужчины, с которыми Пег успела столкнуться в морге.

Черт! Может, следовало помыться с купоросом?

Пег была хороша собой: стройная, пяти футов и шести дюймов, с бархатистой кожей, огромными темными глазами и губами сочными, как персики. Как нынешние персики. Но ей была ненавистна собственная внешность, поскольку Пег понимала – она обречена быть постоянным объектом охо-

ты со стороны мужчин, коллекционирующих скальпы, изготовленные из женского лобкового волоса. Пег пыталась снизить градус женственности в своем облике и поведении, добавить мужеподобия; но и это не помогало: мужчинам нравится преодолевать препятствия, и они не оставляли ее своими похотливыми приставаниями даже в этом случае. И теперь, без всякого макияжа, без духов и украшений, в намеренно убогом коричневом костюме и разношенных башмаках, Пег представляла собой горшочек меда, вокруг которого бесконечно и назойливо жужжали пчелы.

Готовые немедленно выпрыгнуть из штанов в ответ на ее совершенно нейтральную улыбку.

Чтобы отвлечь себя от невеселых мыслей, она спросила, продолжая разговор про «анализ по Маршу»:

– Там что, убийство?

– Непреднамеренное. Фермер в Ориндже опрыскивал фрукты запрещенными препаратами. Заявление поступило в тамошний окружной суд.

Доктор Стэнвей, скользнув глазами по рядам пронумерованных дверок, наконец сказал:

– Пришли.

Но открывать нужную дверцу не торопился.

– Выглядит он так себе, – сказал доктор. – Машина вышибла ему мозги.

Пег поглубже засунула кулаки в карманы костюма, что-

бы доктор не увидел, как побледнели у нее костяшки пальцев. Человек, лежавший внутри, при благоприятном раскладе, кстати, мог оказаться тем самым вором, что украл у Децимуса его документы...

– Ничего страшного, – сказала она.

Нет, это был не вор.

Вся правая сторона черной головы была, мягко говоря, смята. Кроме того, нижнее веко на правом глазу оторвано и кое-как прилеплено на место, отчего видна нижняя сфера глазного яблока. Глубокая кровавая ссадина шла от уголка рта и скрывалась под подбородком. А череп был раздроблен до такой степени, что его пришлось обмотать пластиковой лентой, чтобы не развалился при транспортировке.

Притворяться смысла не было. Децимус, без сомнений.

– Ну? – спросил доктор Стэнвей.

– Можно убирать. Это он.

Доктор задвинул тело в глубь холодильной камеры и закрыл дверку. Повернувшись, чтобы сопроводить Пег к выходу, он спросил:

– Как вы про это узнали? И почему вы считаете этого парня важным человеком?

– Люди звонят в газету. Например, водители скорой помощи. А мы им немного приплачиваем за информацию.

Она шла по коридору, и ей виделся впереди, на некотором от нее расстоянии, воображаемый воздушный шар в форме

раздавленной головы. Она сглотнула комок, подступивший к горлу.

– И он был, – продолжала она, – одним из главарей в окружении Остина Трейна.

Стэнвей поднял брови.

– Теперь мне понятен ваш интерес. Он из местных? Я слышал, трейниты сегодня опять устроили акцию.

– Нет, из Колорадо. Живет в коммуне возле Денвера. Точнее, жил.

Они дошли до конца коридора. Доктор Стэнвей придержал дверь, отдав дань традиционным приличиям, и она прошла вперед, приняв эту любезность как формальный ритуал, а не знак внимания к ее женской сути, которую она ненавидела, дав возможность доктору впервые увидеть и оценить ее.

– Не хотите ли... – начал доктор, не очень умелый собеседник, когда речь шла о женщинах, – не хотите ли присесть? Что-то вы позеленели...

– Нет, благодарю, – ответила Пег через силу, более всего боясь, что ее слабость кто-то примет за «женственность». Впрочем, секундой позже она смягчилась. Из всех мужчин этот вряд ли воспользуется прорехами в ее фортификационных сооружениях.

– Видите ли, – сказала она наконец, – я его хорошо знала.

– Вот как? – удовлетворенно промычал доктор. – Близкий друг?

Они повернули за угол и вошли в другой коридор, более жизнерадостный по тону и виду: стены здесь были обклеены зелеными обоями, приглушенно звучала фоновая музыка. Им встретилась девушка с подносом, на котором дымились чашечки с кофе. Пег втянула носом аромат напитка.

– Да, – ответила она доктору. – А полиция уже присылала дознавателя?

– Пока нет. Они же перегружены. Из-за этой демонстрации, я думаю.

– А вещи из машины они забрали?

– Вероятно. У нас нет даже его документов. Только копия полицейского протокола с места происшествия.

Бог знает, сколько таких *эпизодов* у них случается на дню! Доктор не проявлял особого интереса к этому конкретному делу.

– Как я понимаю, они должны скоро объявиться, – тем не менее сказал он. – Наверняка он был под воздействием наркотика. Иначе никак не объяснить того, что он сделал. А если полицейские знают, что он из близкого окружения Трейна, то будут здесь совсем скоро.

Они добрались до входной двери, и Пег поспешно надела маску, чтобы скрыть лицо, которое готово было выдать ее.

Идти до машины пришлось долго. У Пег был спортивный вариант «хейли», и пользовалась она им из принципа. К моменту когда она наконец добралась до автомобиля, она почти ничего не видела из-за рези в глазах и слез. Причем при-

чиной этому был не только воздух – она пару раз подняла и опустила замок на маске. Когда Пег осознала реальную причину своих слез, то разволновалась настолько, что, открывая дверь, сломала ноготь. Попыталась аккуратно откусить отломившийся кусок, но не рассчитала и оторвала его. Из пальца потекла кровь.

Боль вернула Пег к осознанию реальности. Успокоившись, она достала из бардачка салфетку, обернула кровоточащий палец и задумалась. Да, это была настоящая история. Она отлично прошла бы и на телевидении, и в газете. Погиб на шоссе: Децимус Джонс, в возрасте тридцати лет, дважды задерживался полицией за употребление наркотиков и один раз – за нападение с целью ограбления. Обычный в наши дни набор для молодого афроамериканца. Но в возрасте двадцати шести лет – неожиданное прозрение! И все – под влиянием идей Остина Трейна. А потом – правая рука Трейна, когда тот перенес свою активность в Колорадо. И, может быть, Децимус был трейнитом в гораздо большей степени, чем сам Трейн. Кстати, Трейн считал более уместным иное название для тех, кто исповедует его взгляды: не «трейнит», а «комми» или «комменсалист», то есть участник и защитник различных симбиотических союзов в природе. Трейн исходил из того, что когда-то за общим столом окажутся и человек, и его собака, и блоха, сидящая в собачьей шерсти, и корова, и кролик, и заяц, и суслик, а еще – круглые черви, инфузории и даже спирохеты. Но это был,

так сказать, радикальный аргумент, которым Трейн пользовался в споре, когда понимал, насколько устал от людей, называющих его предателем их общего дела.

Нужно было удостовериться, что Децимуса после смерти возвратят в биосферу. Забыла сказать об этом доктору. Может, вернуться? Черт! А ведь он наверняка отметил это в своем завещании. Только кто станет обращать внимание на последнюю волю чернокожего?

Кто-то должен сообщить обо всем Остину. Ужасно будет, если он узнает о трагедии из газет или телевизионного репортажа.

«Придется это сделать мне. Ведь я была к нему ближе всех».

Образы сразу трех людей хаотично замелькали в ее сознании. Стэнвей задал ей вопрос, на который она меньше всего была расположена давать ответ. Даже самой себе. «Близкий друг?»

Близкий? Гораздо больше, чем то, что имел в виду доктор. Децимус, афроамериканец, гетеросексуал, был счастливо женат и более не интересовался белыми девушками. Теперь эта экзотика – не для него (а кто, кстати, расскажет про случившееся Зене и их детям?). Экзотика состояла как раз в том, что к Пег Манкиевич, настоящему эталону роскошной женственности, он относился как к... другу.

Пусть Остин сам скажет Зене. И веселого вам всем Рож-

дества!

После этого хаос окончательно воцарился в ее голове. Словно в магическом кристалле, Пег увидела последовательность событий, спровоцированных этой смертью. Она буквально слышала, как тысячи людей станут повторять версию, озвученную Стэнвеем: «Он был под наркотой, потому и выпрыгнул из машины. Либо он был полный идиот!»

Но она-то знала Децимуса Джонса как в высшей степени разумного и рассудительного человека! А если в его жизни и были наркотики, то с ними он давно завязал. Наверняка кто-нибудь подсунил ему таблетку. В еду или в питье. А он и не заметил. Зачем? Чтобы любой ценой дискредитировать!

Неожиданно Пег осознала, что сидит, тупо уставившись на череп со скрещенными костями, намалеванный на дверце соседней припаркованной машины, – знак того, что трейн-иты совсем недавно прошли по парковке, где стоял ее «хейли». Ее собственный автомобиль они, естественно, не тронули.

Да, именно так. Дискредитировать. Эти тупые, находящиеся во власти стереотипов пластиковые люди, которые ничего не ценят, кроме долларов, конечно же, не хотят делить свою полуразрушенную планету хоть с кем-либо, кто решил выбраться из раз и навсегда предназначенной ему жизненной колеи. Чернокожий малолетний правонарушитель, каким Децимус был в ранней юности, обязан был умереть либо

в уличной драке, либо в тюрьме. Но чтобы он сменил стиль жизни, получил образование и в свои тридцать лет выглядел как врач или даже священник — от этого их с души воротило.

Пег вдруг почувствовала, как и ее охватывает приступ тошноты. О господи! Она схватила сумочку, нащупала в ее глубине таблетку, которую следовало выпить еще час назад, положила в рот и, несмотря на ее размер, постаралась проглотить — даже не запивая.

Сегодня без этого нельзя.

Наконец Пег окончательно взяла себя в руки и повернула ключ, торчащий из приборной доски. Запасов пара было вполне достаточно, и машина двинулась вперед мягко и бесшумно.

И совершенно не загрязняя окружающую среду. Никаких соединений свинца, совсем немного углекислого газа и в основном вода. Слава и хвала тем, кто изобрел такие машины во имя спасения человечества от его собственной глупости.

Чтобы попасть в свой офис, ей после выезда со стоянки следовало бы повернуть направо. Но она повернула налево. Во всей Америке было, вероятно, не больше сотни людей, способных найти Остина Трейна тогда, когда он им был нужен. Если бы редактор газеты, где работала Пег, знал, что она является одной из этой сотни, он устроил бы преизрядную истерику из-за того, что она ни разу не воспользовалась

этим обстоятельством во благо газеты.

Неизлечимо кровоточащее сердце

...ветеран кампаний в Индокитае и на Филиппинах стал еще одним из бывших офицеров, принявших участие в реализации программы усыновления «Дубль-В». Офицер взял в свою семью восьмилетнюю девочку-сироту с ужасным шрамом, ставшим, как предполагают врачи, результатом воздействия напалма. Комментируя свой шаг, офицер заявил: «Я никогда не воевал с детьми. Мы воевали с теми, кто хотел разрушить нашу жизнь». В ответ на просьбу прокомментировать рост популярности программы «Дубль-В» Президент, отправляясь на ланч, организованный членом его фанклуба (там он должен был произнести речь о международных делах), заявил: «Если для них закрыть парадную дверь, они обязательно вломятся через заднюю». Запрос конгресса относительно возможных взяток, полученных Федеральным земельным комитетом...

Корень проблемы

– «Гуси-гуси, га-га-га...»

Дождь шел сплошным потоком, и дворники не успевали сметать воду с ветрового стекла. Дорога была отвратительна. Леонард Росс с трудом удерживал свой полноприводный «лендровер» на дороге, болезненно морщась, когда колесо попадало в очередную выбоину.

– «Есть хотите? – На хрена?!»

Из-за рева двигателя и шума дождя разобрать слова песни доктора Уильямса было трудно, но общий смысл был понятен – старая детская песенка, хотя и с вариациями.

– «Так летите! – Сам лети...»

Очередная выбоина. Рефлекторно Леонард глянул назад – все ли в порядке с оборудованием – и тут же пожалел: сзади сидел эскортировавший его полицейский, у которого кожа на физиономии мокла от какой-то болезни, а Леонарда и так мутило.

– «Да не сдохни по пути...» – радостно завершил куплет доктор и, даже не переводя дыхания, спросил: – Сколько вы уже работаете с этой конторой, «Спасем Землю»?

Леонард не сразу понял, что это вопрос.

– Около четырех лет, – наконец сказал он.

– И раньше здесь никогда не были?

– Боюсь, что нет.

– Чему тут удивляться! – хмыкнул Уильямс. – Надеюсь, хоть вас вооружили всем необходимым.

Леонард кивнул. Чего-чего, а уж информации у него предостаточно – даже в голове звенело. Но сама страна – это был сплошной парадокс! Начать хотя бы с того, что когда он увидел имя человека, который должен был стать его контактным лицом в Гуанагуа, то подумал, что тот окажется американцем. Уильям же, как выяснилось, был англичанином да еще и маньяком, который в этой удушливой субтропической жаре и влажности имел глупость и терпение носить твидовый пиджак! Хотя все это вполне соотносилось с традициями страны, жители которой еще триста с лишком лет назад отказались считать свой главный город столицей только потому, что губернатор завел себе любовницу. Да и сейчас они к своей столице относятся с таким пренебрежением, что даже не построили к ней толковой железной дороги, а международные авиакомпании отказываются туда летать – некого возить!

– Каждый раз, – говорил между тем доктор Уильямс, – когда кто-то пытается вытащить эту страну из задницы, что-то случается и все идет прахом. Бог, что ли, так развлекается? Ведь эти «Тупамарос» действительно способны на многое. Понятно, не здесь, а в городах. А здесь...

Уильямс вновь хмыкнул и продолжил:

– Посмотрите на эту дорогу. По местным стандартам это шикарное шоссе. Но люди не могут вывезти товар на рынок,

продать и заработать. А нет денег – ничего не купишь, даже инструменты. Но время от времени какой-нибудь умник решает спасти страну. Все по его совету начинают сажать не то, что обычно сажают для себя, – кофе, хлопок, а то, что хорошо идет на внешнем рынке. Вся страна дышит энтузиазмом, надеждой. И тут раз – и кризис! И вся напряженная работа коту под хвост! Как и в этот раз. Впрочем, вы все...

Не закончив предложения, доктор Уильямс тронул руку Леонарда и тот, повинуясь, нажал на тормоза. Вглядевшись через залитое дождем стекло, Леонард увидел, что они подъехали к убогой деревеньке, вокруг которой росли кофейные деревья, маис и бобовые. На первый взгляд поля и посадки были вполне ухоженными, но, приглядевшись, Леонард увидел – и деревья, и кустарник почти совсем завяли, словно хозяин давно покинул их.

Выбравшись из машины, Уильямс сказал:

– Возьмите приборы.

– Как?

– Дождь не прекратится еще несколько недель, поэтому придется привыкать.

Леонард нехотя подхватил сумку с оборудованием и нырнул в водный поток, извергающийся с небес. Очки сразу же запотели, но снять он их не мог – без них он был совершенно беспомощен по причине никудышного зрения. Чувствуя, как вода заливается ему за воротник, Леонард двинулся за Уильямсом по мокрой земле.

– Совершенно не важно, где вы будете искать, – сказал Уильямс, остановившись возле первого кофейного дерева. – Эти твари здесь повсюду.

Кивнув, Леонард достал совок и принялся копать в грязи. Поработав несколько секунд, он поднял голову и спросил:

– Вы ведь англичанин, доктор, верно?

– Если быть точным, валлиец, – ответил Уильямс.

– Вас не обидит, если я спрошу, зачем вы сюда приехали?

– Из-за девушки, если угодно.

– О, простите, я не хотел...

– Лезть в мои личные дела? Ничего страшного! Она была дочерью одного из работников посольства в Лондоне. Очень красивая. Мне двадцать четыре, ей девятнадцать. Но ее родители были католиками из Комайагуа, и очень строгих правил, и они не хотели, чтобы их дочь выходила за методиста. Поэтому ее отправили домой, а я закончил учебу, все это время экономя на всем, чтобы купить себе билет. Я думал, что, когда приеду, мне удастся убедить ее родителей в серьезности моих намерений. Я был готов даже перейти в католичество.

Между обнажившимися корнями кофейного дерева что-то шевелилось.

– И что произошло? – спросил Леонард.

– Когда я сюда приехал, оказалось, что она умерла.

– *Что?*

– От тифа. Эндемичная форма. И случилось это в тысяча

девяťсот сорок девяťом году.

Наступила пауза. Что тут можно сказать? Леонард поддел комок земли и принялся разминать его на ладони. Наконец показалось существо длиной в два дюйма, на первый взгляд напоминающее дождевого червя, но синевато-красного цвета, с небольшим утолщением на одном конце тела и щетинками, которое извивалось гораздо энергичнее, чем самый энергичный дождевой червь.

– И тем не менее, – продолжил доктор Уильямс, – я не жалею, что остался. Должен быть кто-то, чтобы помогать этим людям на месте; дистанционное управление здесь не работает... Ну что, поймали?

Он заговорил нормальным тоном:

– Узнали, что за зверь? Я не нашел ему названия в английских источниках. Конечно, мои книги не для специалистов. По-испански эта штука называется *сото-джуэла*, а местные называют ее *джигра*.

Одной рукой, пачкая сумку комками грязи, Леонард вытащил пробирку и опустил туда свою добычу. Попытался рассмотреть ее с помощью увеличительного стекла, но не смог – дождь лил как из ведра.

– Мне бы посмотреть на нее где-нибудь под крышей, – пробормотал он.

– Здесь, в деревне, наверняка есть непротекающая крыша, – предположил доктор. – А это то, что этот вредитель делает с растениями?

Уильямс потянул куст кофейного дерева, и тот легко, без всякого сопротивления выскользнул из почвы. Ствол ниже уровня земли был пронизан порами и напоминал губку, а безвольно провисшие листья покрывал слой чего-то липкого.

– Они нападают и на зерновые, и на бобы? – спросил Леонард.

– Нам так и не удалось найти того, что эти твари не едят. В ямке, оставленной на месте дерева, копошилось пять или шесть этих существ.

– И давно они у вас тут живут?

– Постоянно, – ответил Уильямс. – Но раньше они встречались только в лесу и жили в корнях подлеска. За все первое десятилетие, что я живу в Гуанагуа, я видел с десятков, не больше. Потом местные расчистили этот участок под кофейные деревья, и года два с половиной назад мы получили взрывной рост популяции этих существ. Настоящий бум!

Леонард выпрямился, и ноги его, пребывавшие до этого в напряжении, были ему за это благодарны.

– Нет никаких сомнений, что вы правы и ситуация действительно крайне серьезная, – сказал он. – Я запрошу разрешение на использование сильных инсектицидов, а потом мы...

– Сколько, вы сказали, вы работаете с ассоциацией «Спасем Землю»?

Леонард, прищурившись, посмотрел на доктора, почув-

ствовав, как в нем поднимается необъяснимая волна злости.

– Вы хоть знаете, кому принадлежит эта земля? – сказал доктор. – Это – частные угодья, которыми владеет какой-то урод из правительства, а для таких закон не писан! Они вертят указами и параграфами по своему усмотрению. И земли эти буквально пропитаны инсектицидами.

Со стороны деревни к ним, покачиваясь под дождем, медленно приближались люди, целая толпа – мужчины, женщины, дети. Все худые как скелеты, все в лохмотьях, босые. Некоторые из детей были явно больны пеллагрой, если судить по их вздувшимся животам.

– Этот идиот вылил сюда так много всякой дряни, что *джигру* уже не берут ни ДДТ, ни гептахлор, ни дильдрин, ни пиретрум. Вы что, считаете меня последним дураком? Думаете, что эта идея никогда не приходила мне в голову? Этим людям нужны не химикаты! Им нужна *еда*.

Дефицит

Петронелла Пейдж:

– Привет, Америка! Привет, планета Земля!

Аудитория в студии:

– Привееет! Привееет!!!

Пейдж:

– Итак, сегодня, как и всегда, вы встретитесь с интереснейшими людьми, героями самых горячих последних новостей! Среди прочих мы рады приветствовать в нашей студии Большую Маму Прескотт, чей хит «Человек за сорок» попал нынче в самый центр горячих дебатов по поводу того, что может и что не может быть темой поп-музыки (*смех в аудитории*). Затем мы побеседуем с целой компанией бывших офицеров, которые подарили детям из Юго-Восточной Азии на Рождество замечательные подарки, а также дали им новые семьи и новый дом. Но для начала поприветствуем человека, который стал героем газетных публикаций совсем иного рода. Он – ученый, и вы, конечно, слышали его имя, ибо, если он прав в своих расчетах, нашу нацию очень скоро ждут далеко не лучшие времена. Итак, с нами профессор Лукас Кворри из Колумбийского университета (*аплодисменты*).

Профессор:

– Добрый... простите, привет!

Пейдж:

– Профессор! Поскольку сейчас наше внимание не так часто обращено к научным проблемам, как нам хотелось бы, то, может быть, вы освежите в памяти наших зрителей тот предмет, о котором вы говорили в новостях?

Кворри:

– С радостью! И если среди уважаемых зрителей есть те, кто не слышал о том, что я хочу сказать, то они удивятся – так же, как удивился я, когда впервые увидел распечатку с университетского компьютера. Когда людей спрашивают, чего больше всего импортируют Соединенные Штаты, то они называют обычные вещи: железо, алюминий, медь, сырье, которого у нас нет в объемах, необходимых для нужд экономики.

Пейдж:

– И они ошибаются?

Кворри:

– Еще как! И они, безусловно, ошибутся, если их спросят о том, чего мы больше всего экспортируем.

Пейдж:

– Так какова же наша крупнейшая статья импорта?

Кворри:

– Кислород! Мы производим менее шестидесяти процентов кислорода, который потребляем.

Пейдж:

– А как с экспортом?

Кворри:

– На этот раз это вредные газы.

Пейдж:

– И здесь, как мы все понимаем, и кроется проблема. Множество людей не понимают, как можно проследить путь дыма, скажем, из Нью-Джерси через Атлантику в Европу, особенно если ты не метеоролог или специалист по погоде. Кстати, а какова ваша научная специальность?

Кворри:

– Я разрабатываю методы улавливания микрочастиц и сейчас возглавляю проект, целью которого является создание новых, более компактных и эффективных фильтров.

Пейдж:

– Для автомобилей?

Кворри:

– О да! И для автобусов, а также для заводов и фабрик. Но главным образом для самолетов. Недавно получили заказ от нашей главной авиакомпания – найти средства, способные улучшить качество воздуха в салоне самолета, летящего на большой высоте. На большинстве авиамаршрутов воздух буквально перенасыщен выхлопными газами других самолетов, и пассажирам становится дурно даже в тихий день. Простите, *особенно* в тихий день, потому что в прочие дни, когда дуют ветры, концентрация газов не столь высока.

Пейдж:

– То есть вы начали с поиска того, что нужно отфильтровать, верно?

Кворри:

– Именно! Я разработал прибор, который устанавливается на крыле самолета и улавливает загрязняющие воздух вещества с помощью липких пластин. Вот, я принес образчик сюда; не знаю, виден ли он уважаемым зрителям... Виден? Отлично! Так вот. Каждый прибор имеет по пятьдесят пластин, которые настроены таким образом, чтобы собирать образцы воздуха на разных стадиях полета. И если перенести эти данные на карту, то можно, как вы сказали, определить, по какому маршруту дым из Нью-Джерси пролетит свои две тысячи миль до Европы.

Пейдж:

– Многие люди сомневаются в степени точности вашей аппаратуры.

Кворри:

– Эти люди могут сами удостовериться в ее надежности.

Пейдж:

– Все это вызывает в нас страшное беспокойство. У большинства людей создается впечатление, что после принятия закона о защите окружающей среды все в этой сфере стало гораздо лучше.

Кворри:

– Я боюсь, что это... нечто вроде оптической иллюзии. Ну, во-первых, это беззубый закон. Вы можете добиться разнообразных поблажек, исключений, смягчений тех или иных норм закона, и компании, которые в результате его приме-

ния могли бы потерять часть прибыли, конечно же, способны эти поблажки и смягчения получить. С другой стороны, мы и сами утратили когда-то свойственную нам бдительность. Несколько лет назад, до принятия закона, общество буквально кипело, настолько нас волновало состояние окружающей среды. Но со временем мы успокоились, полагая, что жизнь налаживается, чего, собственно, в действительности и нет.

Пейдж:

– Понятно. А что вы скажете людям, которые утверждают, что открытое обнародование этих фактов, скажем, не в интересах нашей страны?

Кворри:

– Если вы действительно служите своей стране, то не станете замечать неприятные факты под ковер. Мы – не самая любимая прочими народами страна, и я считаю, что мы обязаны немедленно прекратить делать то, что усиливает антипатии к нам всего мирового сообщества.

Пейдж:

– Да, в этом кое-что есть. Спасибо за то, что пришли и поговорили с нами, Лукас! Теперь, после небольшой рекламной паузы, мы обратимся...

Хоть и любовь имеешь, а все ты – медь звенящая

– Я полагаю, что ближайшей аналогией будет аналогия с сыром, – сказал мистер Бамберли. Чтобы показать, что слушает он внимательно, Хью Петтингилл кивнул. Ему было двадцать лет, был он темноволос и кареглаз, а на лице выражение такое, будто бы его раздражают все и вся: надутые губы, прищуренные глаза, наморщенный лоб. Это выражение он вынес из тех лет, когда жилось ему действительно плохо – от четырнадцати до девятнадцати. Сейчас же шел первый год, когда он наслаждался покоем и относительным благополучием, а потому, будучи вполне сообразительным малым, он мог позволить себе роскошь притвориться, будто его в чем-то убедили.

Все началось со спора относительно его, Хью Петтингилла, будущего, когда он сказал мистеру Бамберли, что, как он полагает, крупные индустриальные державы разрушают планету, а потому ему не хочется иметь дело ни с коммерцией, ни с технологиями, ни с армией, к которой, в частности, сам мистер Бамберли относился с нескрываемым восхищением. Целью же их встречи была экскурсия на гидропонную ферму – мистер Бамберли хотел продемонстрировать Хью, как конструктивно могут применяться современные технологии.

– Не понимаю, почему мы не можем способствовать улуч-

шению природы, – усмехнулся мистер Бамберли.

Хью же настаивал на своем:

– И что же должно произойти, чтобы вы уверились в обратном?

Довольно тучный, хотя и мускулистый, мистер Бамберли шел по стальному трапу, опоясывающему ферму под крышей, и размахивал руками направо и налево, показывая, как маниока, за производство которой они взялись, проходит различные стадии роста, прежде чем стать конечным продуктом его фермы, «нутрипоном». Под полупрозрачным куполом, накрывавшим ферму, стоял легкий дрожжевой запах – словно в пекарню ввалились измазанные машинным маслом техники из ближайшего гаража.

И это было в некотором смысле вполне рабочее сравнение. Состояние Бамберли было сколочено на нефти, но произошло это за сотню лет до рассматриваемых событий, и ни мистер Бамберли, которому при рождении дали имя Джейкоб (хотя он предпочитал, чтобы его звали Джеком), ни его младший брат Роланд ни разу в жизни не ступали ногой в грязь под буровой вышкой. Состояние уже давно выросло до того размера, когда оно воспроизводило самое себя, и ему уже не только не нужно было внешней подпитки, но, подобно амебе, оно обрело способность самостоятельно делиться и множиться. Роланд вывел свою долю из общего наследства и, жадно прильнув к ней, ждал, когда она перейдет к его единственному сыну Гектору (Хью, встретившись с ним

единственный раз, счел его заносчивым снобом, хотя, наверное, это была вина его отца, а не самого Гектора, пятнадцатилетнего хлыща). Джейкоб же двадцать лет назад вложил свои деньги в «Трест Бамберли», и с тех пор они многократно увеличились и расплзлись по разным точкам, словно раковые метастазы.

Хью и представления не имел относительно того, сколько людей работает во имя процветания треста, поскольку никогда не был в нью-йоркском головном офисе, где на стенах висели разные схемы и диаграммы, дающие представление о размерах фирмы, но ему виделась в его воображении сотни и сотни людей, без устали пропалывающих, удобряющих и поливающих грядки с маниокой. Эти садоводческие образы с готовностью всплывали в сознании Хью, поскольку его приемный отец превратил их семейное ранчо, расположенное в штате Колорадо, в один из лучших в стране ботанических садов. Главное же, в чем он был убежден и в чем несколько не сомневался, так это в том, что состояние Бамберли было столь велико, что он имел возможность содержать эту крупнейшую в мире гидропонную ферму чисто из соображений благотворительности: шестьсот человек имели работу, а продукция фермы продавалась по себестоимости и даже ниже, причем все – до последней унции – шло на экспорт.

Воплощенная щедрость! Хотя, конечно, такой способ распорядиться наследством выглядит гораздо лучше, чем тот,

что избрал Роланд, тратящий деньги лишь на себя и на собственного сына – им никогда не придется столкнуться с реальным миром и почувствовать вкус настоящей жизни...

– С сыром, – повторил мистер Бамберли. Они смотрели на ряд чанов совершенной круглой формы, где в прозрачной жидкости, над которой поднимался пар, сбивалось нечто, отдаленно напоминающее спагетти. Человек в маске и стерильном комбинезоне брал из чанов пробы длинной изогнутой ложкой.

– Вы используете здесь какие-нибудь химикаты? – рискнул спросить Хью. Он надеялся, что экскурсия не продлится слишком долго – утром у него случился приступ диареи, да и сейчас желудок пошаливал.

– В минимальных объемах, – ответил мистер Бамберли, и в глазах его вспыхнули огоньки. – Кстати, слово «химикаты» вызывает совершенно неверные ассоциации. С маниокой нужно держать ухо востро, поскольку кожура ее содержит высокотоксичные соединения. Есть и иные полезные растения, одни части которых можно употреблять в пищу, а другие – нет. Знаешь примеры?

Хью подавил вздох. Он никогда не говорил этого прямо, слишком хорошо понимая, чем он обязан Джеку (осиротев в четырнадцать лет во время городских беспорядков, он был помещен в приют для подростков, после чего выхвачен оттуда, вероятно, наугад, чтобы стать одним из восьми де-

тей, усыновленных этим улыбающимся пухляшом), но бывали моменты, когда его раздражали многочисленные вопросы, которые так любил задавать Бамберли. Тот был похож на плохого учителя, который узнал где-то, что его дело пойдет гораздо лучше, если детки станут на уроках задавать вопросы, но не понял, что сначала он должен сделать так (имеются особые методики, о существовании которых он и не слышал!), чтобы его ученикам *захотелось* задавать свои вопросы.

Поэтому он устало сказал:

– Картофель.

– Отлично! – удовлетворенно хмыкнул Бамберли и, хлопав Хью по плечу, вновь обратил его внимание на то, что происходило внизу.

– Если хорошенько подумать о том, насколько сложными являются приемы обработки маниоки, способствующие преобразованию ее в конечный продукт... – продолжил Бамберли.

О дьявол! Он опять принялся читать свои вонючие лекции!

– ...а также о малой вероятности того, что эти приемы были найдены случайно, то совершенно ясными становятся доказательства вторжения сверхъестественных сил в примитивную жизнь человеческую. Ведь речь идет не о тривиальных веществах, скажем, о какой-нибудь там щавелевой кислоте, а о страшнейшем из ядов, цианиде. В течение столетий

человечество полагается на маниоку как на основной продукт и не только выживает, но и процветает. Ну не чудесно ли все это, если подумать?

Может быть. Только я думаю обо всем этом совсем не так. Мне видятся голодные люди, которые борются за жизнь на грани отчаяния и хватаются за любую соломинку в слабой надежде, что следующий из них, кто попробует это растение, не упадет замертво.

– Еще одно чудо – это кофе. Кто мог бы, без всякой подсказки, додуматься до того, чтобы высушить ягоды, очистить их от шелухи, прожарить и перемолоть, а затем смешать с водой и вскипятить?

Мистер Бамберли уже не говорил – он читал проповедь! Но тут же вернулся к своей обычной манере.

– Поэтому я бы не стал говорить о «химическом процессе», – продолжал он. – То, что мы делаем, называется иначе: мы варим продукт. Но делать то, что делают многие люди, полагаясь на маниоку как на основной продукт, я бы не стал. Я должен был упомянуть кое-что еще. И что же это?

Вновь вопрос от лектора.

– Дефицит протеинов, – сказал Хью, подумав о себе как о дорогой игрушке, которой ребенок может задать вопрос и которая, если нажать правильную кнопку, выдаст верный ответ, сопровождаемый сиянием разноцветных огоньков и веселой хрипловатой музыкой.

– Именно! – просиял мистер Бамберли. – Вот почему я

сравниваю нашу работу с изготовлением сыра. Здесь...

И он открыл дверь в соседний цех фермы, залитый светом из забранных в решетку ультрафиолетовых ламп, установленных на ажурных металлических фермах.

— ...здесь мы усиливаем протеиновое содержание нашей смеси, причем совершенно естественным путем, используя дрожжи и грибок с высоким питательным потенциалом. Если процесс идет идеально, мы преобразуем в протеин до восьми процентов от общей массы маниоки. Но даже шесть процентов, наш обычный результат, есть значительное достижение.

Рассказывая, мистер Бамберли дошел до следующего цеха, где готовый продукт развешивался на сушильных решетках, подобно огромным моткам шерсти, после чего нарезался кусочками длиной в человеческий палец.

— И знаешь, что тут еще необычного? — продолжал лекцию хозяин фермы. — Маниока — тропическое растение, но лучше всего оно растет при «нормальных» условиях. И знаешь почему?

Хью отрицательно мотнул головой.

— Потому что мы получаем нашу воду из тающего снега, который содержит меньше тяжелого водорода. Именно с этим веществом не справляется большинство растений.

Наконец, они пришли в цех упаковки, где мужчины и женщины в масках и стерильных комбинезонах укладывали заранее взвешенные объемы продукта в картонные коробки,

укрепленные полиэтиленом, после чего их увозил погрузчик. Работники заметили мистера Бамберли, и некоторые помахали ему рукой. Широко улыбнувшись, он помахал в ответ.

О господи! Так вот от кого здесь все и зависит! Бамберли, конечно, считает этих людей своей семьей. И вот этого тоже – высокого, симпатичного белого с длинной седой бородой. Но ведь это именно он заплатил за одежду, которую я ношу, за мой колледж, за машину, которую я вожу, – пусть даже это хилый электромобиль! Как бы я хотел, чтобы этот человек мне понравился. Ведь если тебе не нравятся люди, которые делают тебе что-то хорошее...

Но с Бамберли все так сложно. Всегда, когда имеешь с ним дело, создается ощущение, что что-то не так. Нет, он отдает много времени и сил благотворительности, поставляет дешевую еду ассоциации «Спасем Землю», а из восьми приемных сыновей один – инвалид-вьетнамец. Но какой-то он... пустой внутри. Вот оно, это слово: пустой!

«Нет, мы не станем затевать споров. И ссориться не станем. Зададим-ка лучше еще вопрос».

– А куда отправят коробки с продукцией? – спросил Хью.

– Мне кажется, в Ношри, – ответил Бамберли. – В рамках программы послевоенной помощи. Но нужно уточнить.

Он крикнул, обращаясь к темнокожей работнице, которая с помощью трафарета наносила на пустые коробки название

места, куда отправится маниока. Приподняв одну, она показала свою работу Бамберли, стоящему под крышей цеха.

– Нет, не в Африку, – удивленно проговорил Бамберли. – Кто-то, должно быть, неплохо поработал сверхурочно. Нужно найти и отблагодарить. Мы начали работы по новому контракту с ассоциацией «Спасем Землю».

– И для кого тогда эта партия?

– Для какой-то деревни в Гондурасе, которая лишилась своих кофейных деревьев.

Пространство для данного объявления предоставлено издателем в качестве доброй услуги

Туда, где дитя ослабло настолько, что уже неспособно пла-
кать, где матери оплакивают тех, кто уже не в состоянии ры-
дать, где человек уже не в силах сопротивляться болезням,
голоду и страшным последствиям войны,

Мы приносим надежду

Но мы не смогли бы сделать это без вашей помощи. Подумайте о нас! Упомяните нас в своем завещании. Окажите щедрость в отношении крупнейшей в мире организации, помогающей людям: «СПАСЕМ ЗЕМЛЮ»!¹

¹ Пожертвования не облагаются налогом.

От отдела к отделу

Со стенных квадратных панелей из зеленой кожи (имитация, конечно) на людей, собравшихся в ресторане для высшего руководства компании, смотрели знаки зодиака. В воздухе стоял гомон голосов и звон кубиков льда в толстостенных стаканах. Стол, уставленный дорогой едой, застыл в предвкушении нападения – ждали только президента компании, который обещал явиться ровно в час. Здесь были яйца, богатые каротином, с неповрежденной скорлупой – видно, что кур выращивали в свободном выгуле; салат-латук, листья которого были подъедены слизнями; яблоки и груши с дырочками, проеденными личинками бабочки, предположительно настоящими (хитрые производители иногда имитировали эти дырочки с помощью раскаленной проволоки – в тех местах, где насекомые уже исчезли), целые окорока, постные, не знакомые с антибиотиками и медным купоросом; куски хлеба, грубого, как песчаник, и темного, как чернозем, с вкраплениями зерна...

– Смотрите! Похоже, кто-то купил местное отделение «Пуританина», – раздался чей-то голос, и Чалмерсу было приятно это услышать. Он передвигался от отдела к отделу, затрачивая точно выверенные три минуты на каждую остановку. Отдел «Дева». Женщины отсутствовали – за исключением Фелиции, с которой он был в особых отношениях,

да двух девиц, стоящих за барной стойкой. Чтобы поддерживать имидж прогрессивной компании, «Город Ангела» нанял было парочку женщин-менеджеров, но одна из них быстро выскочила замуж, а другая уволилась после нервного срыва. Иногда он думал – а не потому ли Фелиция спит с ним, что надеется забраться по тотемному столбу корпорации на такую же высоту?

Впрочем, после этих случаев политику компании относительно персонала пришлось пересмотреть.

Отдел «Весы»

– На их месте я бы занялся сбором металлолома и обустройством канализации. В восьмидесятые эти отрасли переживали бум, а инвестиции давали двойную прибыль.

Отдел «Скорпион»

– Крысы? Никаких проблем. У нас терьер и кот, и они постоянно голодные. Проблема с муравьями. Я потратил две тысячи, чтобы герметизировать кухню, а они все равно как-то пролезают. Пришлось вернуться к старому доброму средству. Кстати, если вам нужно, могу поделиться – есть надежный источник поставки.

Отдел «Стрелец»

– С «Синдикатом» мы договорились об общем *modus vivendi*. Конечно, все основано на их интересе к «Пуритани-

ну». Надежно. Любой, кто захочет нас обмануть, получит по заслугам. Сей же момент.

Отдел «Козерог»

Ни единой души. Никаких разговоров.

Отдел «Водолей»

– Не нужно льда, спасибо! Я сказал, НИКАКОГО ЛЬДА! Вы что, не понимаете по-английски? Доктор запретил. Ничего, кроме простой минеральной воды. Из-за сбоев в пищеварении ни на что не остается времени – даже на работу.

Отдел «Рыбы»

– Почему бы нам не заключить с ним договор страхования жизни, а в особые условия включить установку очистителя для воды в доме этого парня – так же, как мы установили фильтры в его машине? Я связался с парочкой фирм, и они проявили явный интерес к сотрудничеству.

Отдел «Овен»

Ни души. Никаких разговоров.

Отдел «Телец»

– Если мы все-таки выйдем в скотоводческие штаты, нам потребуется весьма солидная документация, подтверждающая естественные причины родовых аномалий у животных.

Я попробовал следовать этим принципам, когда речь пошла о компенсации за неудачное оплодотворение кобылы, и сумма дошла до пяти тысяч, но хозяин настаивал, что неродившийся жеребенок стоил бы в два раза больше. Пришлось откровенно намекнуть, что в суде он потеряет гораздо больше, если не пойдет на мировую.

Отдел «Близнецы»

– Недавно была целая толпа беременных женщин. Все ждали близнецов, и все, как одна, желали застраховаться от последствий позднего деления яйцеклетки. Понять не могу, откуда их нанесло! Может быть, утечка из лаборатории?

Отдел «Рак»

Естественно, никого!

– Причина, по которой я опоздал, – это тот самый чокнутый негр...

Дослушав Филипа, Чалмерс сочувственно хмыкнул и перешел к более веселым темам.

– Кстати, – сказал он, – мы с Таней собираемся на выходные в Колорадо. Может, покатаемся на лыжах?

– Неплохо бы. А где вы будете? В Аспене?

– Да нет! В Аспене слишком много народу. Все, кому не лень, читают «Плейбой». А где вы катаетесь? В Тауэрхилле?

– Нет, не там. Позвоните нам. Может быть, заедете к нам

на ланч?

Филипа даже пот прошиб при упоминании «Плейбоя».

Маршрут и время странствий от отдела к отделу были рассчитаны предельно точно, и без пяти час Чалмерс сошелся с Греем.

– Этот тип из Денвера, – задумчиво произнес Грей. – Филип Мейсон.

– И что с ним?

Чалмерс знал, что скажет Грей, и был готов защищаться, причем так, что защитой это выглядеть не будет. Чалмерс был заинтересован в Мейсоне. Когда совет по подбору и найму персонала разделился при голосовании поровну, его, Чалмерса, голос был подан за Филипа.

– Что-то с ним не так, – сказал Грей. – Или же он слегка не в себе.

– Скорее второе, – отозвался Чалмерс. – Утром у него на глазах погиб человек. И он никак не может забыть эту историю.

Грей размышлял. Чалмерс почувствовал себя крайне неудобно. Когда этот человек погружается в свои мысли, ощущение возникает такое, что вокруг тебя свистят вращающиеся колеса, и это страшно тревожит.

– Кто-то должен за ним присмотреть, – сказал наконец Грей.

– Но он один из наших лучших людей!

Чалмерс вдруг почувствовал, как задели его слова босса.

– Он удвоил обороты нашего бизнеса в Денвере и был первым, кто уловил новые перспективы в Тауэрхилле. Благодаря ему мы подмяли под себя весь Тауэрхилл и теперь держим там две трети клиентуры. А то, что он придумал, – формы краткосрочного страхования – дает прибыль в тысячу процентов.

– Я не об этом, – покачал головой Грей. – Мне интересно, за каким чертом он ехал на машине из Денвера в Лос-Анджелес. Дорога неблизкая, удобнее было бы на самолете.

Дверь открылась, и вошел президент компании. Грей покинул Чалмерса, чтобы поприветствовать босса. Чалмерс же задал себе вопрос: сможет ли он когда-нибудь назвать Грея Майком – сокращенная форма от «Майкрофт» (как звали брата Шерлока Холмса). Так к нему обращались лишь самые важные персоны внутреннего эшелона высшего руководства компании.

Мораль двадцатого века

Сразу шесть Санта-Клаусов маршировали вдоль тротуара – последняя рекламная вылазка супермаркета, чьи обычные покупатели давно покинули центр города.

– Счастливого Рождества! Ура! – нестройными голосами кричали они.

Тротуар, по которому пробирались Санта-Клаусы, был переполнен людьми. Большинство – афроамериканцы, а большинство из них – дети, в чьих глазах застыла мечта, которая никогда не сможет осуществиться. Сердце города умирало, хотя сам его скелет был еще крепок, и в центре оставалась лишь беднота, одетая в изношенное тряпье и делившая подвалы с крысами. Спасти из этой ловушки люди не могли – те машины, которые у кого-то сохранились, не были снабжены строго обязательными системами фильтрации выхлопных газов (неимоверно дорогими), а украсть машину с уже установленными фильтрами было не у кого – все состоятельные люди давно уехали. Последний раз, когда Пег оказалась в этом районе, она как раз занималась сюжетом о процветающей подпольной индустрии фальшивых фильтров, которые мастерили дома предприимчивые местные механики.

Несмотря на почти полное отсутствие машин, на улицах было не продохнуть. Пег сняла маску, чтобы не выделяться – аборигены центра масок не носили, словно их организмы

уже привыкли к загрязненному воздуху, и даже дети их отличались впалой грудью – неужели эволюция позаботилась о том, чтобы местные экономили воздух при дыхании?

Пег посмотрела на Санта-Клаусов. Черты их лиц были неразличимы за бородами, когда-то белыми, а теперь потемневшими в результате прогулки по улице. Впрочем, она заметила, что второй в ряду Санта-Клаусов не кричит «ура», а только шевелит губами, стараясь подавить приступ кашля.

Что никак не соответствовало образу святого Ника.

Шеренга ряженных рассыпалась, и они принялись раздавать прохожим рекламные листки, приглашая тех посетить их супермаркет. Листки, впрочем, тут же оказывались на тротуаре, и мусорный ветер нес их вдоль улицы, по сторонам которой высились темные двери, через которые внутрь мог зайти лишь «уполномоченный персонал».

Одним из шестерки ряженных, как она знала, был Остин Трейн.

На первый взгляд идея была дикая, хотя, если подумать, все это было не так глупо. Пег не видела Остина с тех пор, когда он восстановился после своего срыва, но когда он решил убраться из поля всеобщего внимания, то пообещал, что будет жить среди наиболее беднейших слоев населения – даже если ему придется делить с ними опасности, которые подстерегали бедолаг на каждом шагу. Решение Остина тут же стала обсуждать модная католическая телевизионная станция, предположившая, что церковь могла бы заняться канониза-

цией «святых от мира сего». Пег смотрела первую из подобных программ с Децимусом и Зеной, и они едва не падали на пол от смеха.

Децимус же выбрал иную дорогу, отличную от той, по которой шел Остин. Та модель жизни, которой он следовал у себя в Колорадо, была ориентирована на правила жизни, принятые в третьем мире: его коммуна сама выращивала для себя еду; по крайней мере, пыталась – урожай периодически погибал, когда ветер приносил облака дефолиантов, а дождь – загрязняющие атмосферу вещества, выбрасываемые заводами. Ходили они в домотканой одежде, а главным источником доходов коммуны были ремесла, продукцией которых они торговали. В основе философии коммуны лежало желание показать на примере локального сообщества людей судьбу всего человечества. Иногда, перед едой, кто-нибудь обращался к членам коммуны с проповедью:

– На нашем столе сейчас в два раза больше пищи, чем то, что какая-нибудь деревня в Боливии поедает за неделю.

А иногда в рационе коммуны появлялись странные и довольно скучные блюда: клейкие африканские соусы из молотой окры, безвкусные пирожки из никому не известной муки. Именно такой едой чаще всего пичкали людей в беднейших странах.

– Посмотрите, что едят в Африке и прочих местах, – говорил Децимус. – Не бифштексы, не цыплят, не картофель из Айдахо. Все это приготовлено из...

А из чего все это готовилось? Из дрожжей, морских водорослей, молотой травы. Однажды им попалось блюдо из отходов мучного производства.

– Вам это нравится? – спрашивал Децимус. – А теперь подумайте о тех, кто вынужден питаться таким дерьмом, потому что альтернативы нет.

Но все это было очень давно. За супермаркетом Пег нашла полупустую стоянку. На нее выходила дверь с надписью «Только для служащих». Дверь была заперта изнутри. Рядом тем не менее находилось окно, забранное рифленым стеклом, через которое, если к нему прильнуть, можно было различить неясные силуэты. Красные фигуры, шевелясь, постепенно становились белыми – Санта-Клаусы переодевались, сбрасывая свои подбитые ватой наряды.

Пег прислушалась, надеясь услышать голос Остина.

– Все это очень плохо, приятель. Ну и пусть. Да не кашляй ты на меня! У меня дети дома, а счета от докторов нынче неподъемные. И у всех то же самое.

Так продолжалось некоторое время. Кое-кто из Санта-Клаусов, раздевшись, отправлялся в дальний угол комнаты, откуда доносился шум воды – они принимали душ. Человек в черном костюме, появившийся в комнате, прокричал:

– Полегче с водой! Кончается.

– Только в аду ничего не кончается, – произнес хриплый, явно туберкулезный голос; человек был способен лишь на сип, но не на крик.

– Горячая хоть? – добавил он чуть громче.

– Какое там! – ответили ему из глубины комнаты. – Как моча дохлого поросенка.

– Тогда заплатите мне, и я пойду. Врач запретил мне простужаться. И вашу драгоценную воду я вам сэкономлю.

– Не обвиняй меня! – сказал, по-видимому, тот, что был в черном. – Не я тут правила устанавливаю.

В наступивших сумерках ни один из бывших Санта-Клаусов не заметил Пег. Пятеро из них сели в свои машины, причем последняя, отъезжая, оставила после себя легкие клубы дыма – достаточное на сегодняшний день основание для ареста. Шестой пошел пешком.

– Остин! – произнесла негромко Пег, пристраиваясь рядом.

Человек не замедлил шаг и даже не повернулся к ней, но узнал.

– А, девушка-репортер! – сказал он. – Решила наконец бросить меня на растерзание волкам?

– Что?

Пег шла рядом с Остином, не без усилий подстраивая шаг под его шаги, слишком длинные для его в целом небольшого роста. В присутствии Остина Трейна ты просто вынужден напрягать мышцы.

– Хочешь сказать, что явилась сюда не по делам газеты, так?

В тоне Остина звучал сарказм.

Пег, желая оттянуть время (не так-то просто заговорить о смерти близкого человека), показала на парковку.

– Там у меня машина, – сказала она. – Подвезти тебя? Это «хейли».

– О, все приличия соблюдены? Пар вместо бензина? Нет, спасибо. Ты что, забыла? Я всегда хожу пешком.

Пег схватила Остина за руку и заставила его повернуться к ней. Приглядевшись в неясном свете, она заметила в нем лишь небольшие изменения. Он сбрил бороду, которую носил в былые времена, но лицо осталось таким же, как и три года назад: высокие скулы, приподнятые брови, тонкие, чуть искривленные усмешкой губы. Ну, может быть, чуть поределли каштановые волосы.

Его ироничная улыбка взбесила Пег. Желая сбить его самодовольство, она взорвалась:

– Я пришла сказать тебе, что Децимус умер!

Он же просто произнес:

– А я знаю.

И что? Все эти часы без еды и отдыха, рискуя потерять работу – все это было напрасно?

– Но это случилось только этим утром, – слабым голосом произнесла Пег.

– Мне очень жаль. – Остин оставил свой ироничный тон. – Ты ведь любила его, верно? Хорошо, я проеду с тобой в тво-

ей машине.

Пег продолжала идти – чисто механически, и теперь Остин подстраивался под ее замедлившийся шаг, что, если не забывать о его неумной энергии, не могло его не злить. Не говоря более ни слова, они добрались наконец до парковки, освещенной ртутными лампами, и до ее «хейли».

– Теперь я даже не знаю, любила ли я его, – неожиданно сказала Пег.

– Боюсь, на тебя это не похоже, – произнес Остин. – Ты всегда знаешь, что, где и как. Доказательство сему факту – то, что ты меня нашла. Это же было непросто, верно?

– Верно, – согласилась она.

Палец с оторванным ногтем все еще болел, и ей не без труда удалось вставить ключ в скважину двери.

– Забавно, – проговорил Остин, оглядывая машину.

– Что забавно?

– Люди думают, что пар – это чистота. Моя бабушка жила в доме, позади которого проходила железная дорога. Так она боялась вывешивать белье на улицу. Сажа, копоть... Я и вырос, думая, что пар – это грязь. Прятался от паровозов.

– И как, здорово натренировался прятаться? – спросила Пег, открывая машину со стороны пассажирского кресла. – Выбрал такое имя, Трейн, потому что у тебя отменный опыт тренировок?

– Дурацкая шутка. В некоторых странах «трейн» означает капкан или ловушку.

– Я помню, ты говорил. Прости. В следующий раз я возьму машину, работающую на фреоне.

Пег села на водительское место и посмотрела на свои руки.

– О черт, – сказала она. – Меня трясет. Не будешь возражать, если я закурю?

– Нет, конечно.

– Так нет или да?

– Нет, – сказал Трейн. – Тебе нужен транквилизатор, а табак из них – не самый опасный.

Он повернулся к ней вполоборота.

– Пег! У тебя была масса проблем. Я ценю это.

– Тогда почему меня встречают так, будто я несу на себе бациллы чумы? – спросила она, роясь в сумочке. – Ладно. Откуда ты про все узнал?

– Децимус должен был сегодня со мной встретиться. Когда он не явился, я навел справки.

– Черт! Мне следовало догадаться.

– Но он ехал не только ко мне. У него в Лос-Анджелесе работает сестра, и он еще собирался решать какие-то семейные проблемы.

– Я про это не знала. Он никогда не говорил, что у него есть сестра.

Пег со злостью ткнула тыльной стороной ладони в кнопку зажигания на приборной панели.

– Они были в ссоре и не виделись несколько лет... Пег,

мне действительно жаль! Просто ты работаешь в таком месте, что я реагирую автоматически, на рефлекторном уровне. Я слишком долго жил в свете прожекторов, ты же знаешь, и я порвал с этим бесповоротно, когда понял, что эти люди используют меня, чтобы всем показать, как они пекутся о мире, хотя, по сути, им на него наплевать! После нас хоть потоп! Поэтому я устроил дымовую завесу и исчез. Но если все будет идти так, как шло все последнее время...

Трейн посмотрел на свои руки. Именно руки Трейна вдруг сказали Пег, что этот человек мог бы ей и понравиться – несмотря на торчавшие у него отовсюду шипы и колючки. Руки были чуть великоваты для его тела, словно у скульптора или пианиста, и, несмотря на чуть толстоватые суставы, руки были красивы.

– Если один репортер знает, где меня найти, – сказал он, – узнает и второй. А где двое – там и целая толпа.

– Ты боишься, что тебя арестуют? – спросила Пег.

– Думаешь, напрасно? Ты знаешь, что утром было в Уилшире?

– Но ведь не ты же организуешь их демонстрации!

Зажигалка щелкнула, но рука у Пег дрожала так сильно, что она с большим трудом смогла поднести огонь к кончику сигареты.

– Согласен. Но ведь именно я написал их Библию и составил их символ веры. И если бы меня заставили поклясться, я признал бы, что трейниты все делают именно так, как было

задумано мной.

– Я бы так не говорила, – пробормотала Пег, выпуская из рта облачко серого дыма. Вкус был мягкий, но несколько горьковатый – она более получаса простояла на углу без фильтрующей маски. Сделав еще одну затяжку, не принесшую ей приятных ощущений, она погасила сигарету.

– Сколько тебе лет, Остин? – спросила она.

– Что?

– Я спросила, сколько тебе лет. Мне двадцать восемь, и это официальная информация. Президенту Соединенных Штатов – шестьдесят шесть. Председателю Верховного Суда – шестьдесят два. Моему редактору – пятьдесят один. Децимусу в сентябре стукнуло тридцать.

– И он, в отличие от них, уже умер.

– Согласна. Все это страшно нелепо.

Невидящим взглядом Пег смотрела сквозь ветровое стекло. Погромыхивая и рыча, на парковку въезжал восьмитонный эвакуатор, призванный убирать машины, не оснащенные легальными фильтрами. Эвакуатор уже захватил в плен две жертвы – на его платформе, прихваченные магнитами, укрепленными на толстых цепях, сиротливо жались «фиат» и «карманн-чия».

– Почти сорок, – пробормотал Остин.

– То есть ты – Овен?

– Да, если ты просто хотела пошутить.

– Не поняла. Что ты хочешь сказать, черт возьми?

– Да все что угодно. Остинов Трейнов больше двухсот человек.

– Да, это хорошая шутка!

Она резко повернулась к нему, словно хотела ударить.

– Ты что, ничего не понимаешь? – сказала она, с трудом сдерживаясь. – Децимус, – и это ужасно, ужасно! – мертв!

– Ты хочешь сказать, никто не смог прочесть это в его гороскопе?

– Нет, ты – не человек! Почему бы тебе не свалить отсюда? Ты же ненавидишь машины!

И тут же, словно спохватившись, Пег проговорила:

– Я не то имела в виду. Не уходи.

Он не двинулся. Молча они сидели несколько минут.

– Есть какие-нибудь идеи насчет того, кто бы это мог сделать? – спросила наконец Пег.

– А ты уверена, что это была спланированная акция?

– Думаю, что да. А разве не так?

– Вероятнее всего.

Остин нахмурился, отчего его дугообразные брови сошлись над переносицей и стали похожи на морскую чайку из детского рисунка (когда дети в последний раз рисовали чаек?).

– Думаю, многие хотели, чтобы он умер, – сказал он наконец. – Ты справлялась в полиции?

– Я собиралась, но сперва решила найти тебя. Я думала, именно ты должен сообщить обо всем Зене.

– Я так и сделал. Точнее, я позвонил в коммуну и попросил, чтобы ей все рассказал кто-нибудь из близких.

– Бедные дети.

– Им гораздо лучше, чем многим другим, – напомнил ей Остин.

Что было правдой. Среди трейнитов было заведено: даже если у тебя есть дети, помни о сиротах. Это была их политика, их догмат, их приоритет.

– Да уж...

Пег провела усталой ладонью по лицу.

– Я должна была догадаться, что трачу время попусту, – сказала она. – Теперь я даже не знаю, попала ли эта новость в газеты или на телевидение.

Она наконец тронулась с места и спросила:

– Тебе куда?

– Прямо. Около десяти кварталов.

И, помолчав, спросил:

– Боишься потерять работу?

– Скорее думаю, почему я ее все еще не бросила.

– А может, лучше оставить все как есть? – проговорил он, колебавшись несколько мгновений. – Не такая уж плохая мысль.

– Зачем? Тебе нужны сторонники в СМИ? Здесь и делать ничего не нужно. Благодаря президенту тебя и так все поддерживают, за исключением хозяев.

– Об этом я не думал. Но ты могла бы... предупреждать

меня, если что.

– Поняла. Твои опасения имеют под собой основания.

Она притормозила у светофора и сказала:

– Хорошо. Если получится. И если с работой все будет нормально...

Она замолчала и, тронувшись с места через несколько мгновений, спросила:

– И кто теперь займет место Децимуса?

– Не знаю. Я сейчас ни за что не отвечаю.

– Прости. Легко предположить, что это не так – ведь ты-сячи людей называют себя трейнитами. Я помню, ты предпочитаешь слово «комменсалист». Но многие сокращают его до «комми», и тогда начинаются драки. Тебя это не беспокоит? То, что твое имя звучит впустую?

– Ты думаешь, меня это пугает? – коротко рассмеялся Остин. – До мурашек? До гусиной кожи?

– Я о другом. Не об имени и не о коммунах. О демонстрациях – таких, как сегодня утром.

– Демонстрации? Да нет! Демонстрации беспокоят людей, даже раздражают. Но от них никакого вреда. Конечно, они привлекают внимание, становятся предметными уроками для тех уродов, что пытаются сделать планету заложницей своих коммерческих интересов. Самим же демонстрантам эти акции внушают мысль о собственной значимости. Нет, я думаю совсем о другом. Представь себе человека, который видит, как целый город наносит непоправимый вред

биосфере, и нажимает на ядерную кнопку.

– Ты думаешь, такое возможно? Это же безумие.

– Безумие – это мораль двадцатого века.

Остин вздохнул.

– Хуже всего то, – продолжил он, – что, если это случится, доказательств безумия этого парня (или парней – сейчас модно говорить о коллегиальных решениях) будет не найти – все сгорит. Как и все остальное, на многие мили вокруг.

Пег даже не знала, что на это сказать.

Они проехали еще два квартала, и Остин тронул Пег за руку:

– Приехали.

– Что?

Она огляделась. Вокруг простирался пустырь, совершенно заброшенная местность с частично разрушенными строениями. Где-то были видны следы начавшейся реконструкции, но в целом все напоминало сцену из фильма про вампиров. Группа темнокожих подростков стояла у входа в убогий супермаркет, и более – ни души.

– Обо мне не беспокойся, – улыбнулся Остин, увидев ее ошарашенный взгляд. – Я же сказал тебе: таких, как я, больше двухсот человек.

– Да, ты сказал. Но я не поняла.

– Не удивительно. Я говорю все это в буквальном смысле. После того как я исчез, около двухсот людей решили назвать себя Остинами Трейнсами. Половина из них – здесь, в Кали-

форнии. Остальные разбросаны по стране. Нравится мне это или нет, я не знаю. Но они действительно отводят от меня возможные удары.

– Уводят тебя с солнца в тень?

– Пусть будет так. В тень. Только это уже звучит не так актуально. Когда ты в последний раз видела солнце и кого-нибудь с солнцезащитным зонтиком?

Он начал выбираться из машины, но Пег остановила его.

– И как же ты сейчас себя называешь? – спросила она. – Мне никто так и не сказал.

Уже поставив одну ногу на тротуар, Остин усмехнулся:

– Разве тебе не сказали, что искать нужно Фреда Смита?

Ну что ж, спасибо, что подвезла. И кстати...

– Да?

– Если что-то пойдет не так, ты всегда сможешь положиться на Зену. А в коммуне – найти убежище.

Плохая сочетаемость

Некоторые виды лекарств, к каковым относятся прежде всего транквилизаторы, нельзя принимать после сыра или шоколада.

Спасение

Неожиданно все изменилось. Люси Рэмидж больше не видела темных лиц, с которых на нее смотрели полные надежды глаза, обведенные белесыми кругами голода. Закончился казавшийся бесконечным ряд пустых кружек без ручки, кастрюль, жадных до еды тарелок, а также открытых ладоней, которые протягивали к Люси те, у кого уже не было сил поискать какую-нибудь посудинку; да и где та посудинка у людей, у которых отобрали буквально все, у людей, которые уже не верят, что есть хоть какой-то смысл вкладывать иссякающие силы в то, чтобы что-нибудь приобрести или найти.

Но в картонной коробке, из которой она раздавала еду, оставалось еще больше килограмма, да и к тому же позади нее громоздился штабель таких же коробок, полных; и еще больше коробок сгружали с древнего «VC-10», приземлившегося на импровизированной посадочной полосе, устроенной неподалеку от деревни.

Не веря своим глазам, Люси отбросила со лба прядь своих светлых волос и принялась изучать ту субстанцию, которую она отмеряла в свете ацетиленовой лампы, висевшей на столбе в конце стола.

У этой субстанции было имя. Торговая марка, вне всякого сомнения, зарегистрированная. «Нутрипон Бамберли». Люси достала небольшой кусок продукта, длиною со свой ми-

зинец, и рассмотрела. Кремового цвета, «нутрипон» напоминал засохший сыр чеддер. Если следовать инструкциям, помещенным на картонке, лучший способ сделать этот продукт годным для еды – сварить, но можно растереть с водой, приготовить тесто и испечь слепленные из него маленькие пирожки на металлической решетке.

Но это уже для гурманов. Важно было то, что этот продукт можно было есть в том виде, в котором он прибыл, и сегодня, впервые с того момента, как Люси прибыла сюда четыре жутких месяца назад, она сможет, не испытывая чувства вины, насладиться у себя дома хорошо сбалансированным ужином, поскольку всем местным, кого смогли найти, было дано достаточно еды, чтобы набить желудок. Она видела, как нескончаемой чередой они подходили к ее столу, глядя на огромные запасы предназначенной для них еды: бывшие солдаты без рук или ног, старики и старухи с катарактами, полностью затмевавшими им свет, женщины с маленькими детьми, которых нужно было заново учить есть, потому что они уже забыли, как это делается. Они даже плакать разучились – настолько изголодались! Особенно одна девочка, которую мать пыталась пробудить к жизни и накормить, но у нее так и не получилось...

О боже! Нет на свете никакого Бога, по крайней мере такого, в милосердие которого можно было бы верить! Я не приемлю Бога, который допускает голодную смерть дочери, лежащей на коленях у матери, когда та держит в руках еду,

способную спасти ее ребенка.

Чернота небес, чернота земли, чернота человеческой кожи – все это громоздилось вокруг нее и в ее сознании, словно ее поместили в камеру пыток размером с Африку и терзают.

Неожиданно она почувствовала дружеское пожатие и услышала негромкий голос, проговоривший на хорошем английском:

– Боюсь, вы перерабатываете, мисс Рэмидж!

Она повернулась. Перед ней стоял Ипполит Обоу, майор и милейший человек, закончивший Сорбонну. Ему, как и Люси, было не больше двадцати четырех, и он был чрезвычайно красив, если не обращать внимания на ритуальные шрамы, покрывавшие его щеки, – местный мужчина должен быть всегда готов к войне и подвигу!

Чего нельзя сказать про генерала Кайку...

Но Люси прилетела сюда не критиковать, а налаживать нормальную жизнь. И хотя иногда ей казалось, что эта задача невыполнима, сегодня, по крайней мере, все были накормлены, вдоволь еды оставалось назавтра, а еще одна партия прибудет сразу после Нового года.

Да, совершенно иной мир!

– Вы должны посетить меня в моем офисе и немного... прийти в себя, – сказал майор, и это был не вопрос. – А потом я отвезу вас на своем джипе к вам домой.

– Нет необходимости...

Но он отмахнулся от слов, произнесенных Люси, и вновь

подхватил ее под руку, на этот раз с изысканной галантностью.

– Это ничтожный жест благодарности для человека, доставившего нам такой рождественский подарок! Прошу вас, сюда!

«Офис» майора, простая лачуга из досок и глины, был раньше одним из помещений регионального штаба захватчиков. Боевые действия в Ношри продолжались и через неделю после объявления перемирия. На одной из стен лачуги Люси увидела цепь сквозных отверстий от пулеметной очереди. На противоположной стене такая же цепь отверстий имела два пробела – в том месте, где на пути летящих сквозь лачугу пуль оказалось некое препятствие. Люси старалась не смотреть в эту сторону, потому что подобные же препятствия составляли сейчас предмет ее забот.

Было ужасно жарко, несмотря на то что солнце давно уже село. Воздух был пропитан душной влагой. Люси давно думала – а может, ей ходить полуголой, как это делают местные девушки? Но так и получилось – совершенно независимо от ее воли. Через несколько дней после прилета ее форма медсестры превратилась в ничто. Аккуратные новые фартуки были разорваны и использованы в качестве перевязочного материала, равно как ее платья, шапочки и даже джинсы. И вот уже несколько недель Люси ходила в том, что еще оставалось от ее одежды, – лохмотья юбки висели поверх колен,

а на рубашках не хватало многих пуговиц, и она завязывала их концы узлом. Хорошо, что, по крайней мере, всю ее одежду регулярно стирала Мауа – девушка не из местных, сопровождавшая ее в качестве персональной горничной и служанки. Люси, у которой никогда в жизни слуг не было, поначалу пыталась бунтовать и до сих пор еще не смирилась, но один из членов команды ООН, в которую она входила, объяснил ей: Мауа, кроме как стирать и убирать, ничего не умеет, а потому пусть этим и занимается, освободив Люси для решения тех задач, которые она способна решать как профессионал.

И все это потому, что умерло море, которого она так никогда и не увидела...

Из мебели в офисе майора были только стулья да пара шатких столов, за одним из которых высокий стройный сержант вносил в распечатанную таблицу какие-то данные. Майор Обоу приказал ему выйти, после чего достал из стоящего здесь же потертого зарядного ящика бутылку хорошего французского бренди и стакан. Налил в стакан на два пальца и, протянув Люси, приложился широкими губами к горлышку.

– Вот так, – сказал он, оторвав губы от бутылки. – И присаживайтесь!

Люси подчинилась. Бренди был слишком крепок, и, отпив немного, она опустила стакан на колени, удерживая его обеими руками и стараясь подавить дрожь усталости. Люси захотела попросить воды, чтобы разбавить напиток, но решила,

что это было бы несправедливо – отвлекать сержанта от его дел. Найти в Ношри хорошую питьевую воду было большой проблемой. Дождевая вода, собранная в ведра и баки, вполне безопасна, если добавить обеззараживающую таблетку, но речная вода была перенасыщена дефолиантами, а в местные колодцы оккупанты, отступая, сбрасывали трупы убитых.

– Это вернет цвет вашим щекам, если вы простите мне мое замечание, – сказал, улыбнувшись, майор.

Люси улыбнулась и в который раз за последнее время задала себе вопрос: и что же ей делать с этим красивым чернокожим мужчиной, который прилагает столько усилий, чтобы сдобрить свой английский заимствованными из книжек идиомами – и к месту, и не к месту произносимыми? Она прикрыла глаза, уставшие от дневной жары и пыли, но это не помогло – перед ее внутренним взором всплыли картинки, с которыми она сталкивалась, когда бы ни выходила в этот некогда процветавший город: перекресток, где снаряд, выпущенный из гаубицы и разорвавшийся возле автобуса, оставил после себя воронку, заваленную искореженным металлом; обгоревшие стропила крыши, упавшей на остатки того, что некогда было мебелью и, вероятно, людьми; ветви деревьев, сломанные крылом рухнувшего гражданского самолета – его сбил патрульный истребитель, пилот которого заподозрил, что в этом летательном аппарате перевозят оружие, хотя там были только медикаменты...

Люси потрогала большой палец на левой руке. Разбирая

обломки самолета и пытаюсь спасти хоть что-нибудь из медикаментов, она глубоко порезалась и вынуждена была наложить на рану три шва. Теперь нерв поврежден, и поверхность пальца площадью в четверть дюйма стала нечувствительной.

Слава богу, у нее есть прививка против столбняка.

Стоящая в углу офиса рация произнесла что-то на местном языке, из которого Люси выучила пока всего несколько слов. Майор Обоу ответил и встал.

– Допивайте бренди, мисс Рэмидж. Через час прилетает правительственный самолет, и мне нужно быть на аэродроме. Но пока я должен выполнить свое обещание и проводить вас домой.

– Нет никакой нужды...

– Есть, – сказал майор, и лицо его вдруг стало суровым.

– Я знаю, что это не имеет смысла, – заговорил он, видимо волнуясь, отчего его английский начал давать сбои, – вешать на кого-то всю собаку, и что причина наша война сложна. Но люди здесь поняли одну вещь – это жадность и равнодушие – простите меня – таких людей, как вы, который отравили Средиземный море и начал цепь событий, который привел нашего соседа с севера нападать на нас. Пока наш человек быть голодный, он молчать от слабости. Но теперь он накормить, и я боюсь, что он станет вспоминать то, что ему сказать агитаторы. Я знаю, что вы приехал из Новой Зе-

ландии, далеко, и с хорошие мотивы. Но человек, который распирает злость потому, что он терял жена, дети, дом, не станет спрашивать вас, откуда вы приехал, когда встречать вас на дорога.

– Я знаю, – кивнула Люси и, залпом допив бренди, едва не закашлялась.

– Отлично! – отозвался майор, вновь надев свою обычную маску настойчивой учтивости, и, встав, вывел Люси к стоящему у дверей джипу. Отправив водителя на заднее сиденье к пулеметчику, майор сел за руль. Люси села рядом. موتور взревел. На скорости почти в сорок миль они проскочили границу аэродрома и помчались, подпрыгивая на дороге, разбитой снарядами, в сторону сияющего огнями города.

– Когда мы восстановим нашу страну, – почти прокричал майор, вновь на почти идеальном английском, – я надеюсь, мисс Рэмидж, у меня будет возможность предоставить вам более интересную экскурсию. Кстати, сегодня я узнал, что мы можем подавать заявления на отпуск. Если вам интересно, я мог бы на время покинуть армию и познакомить вас с более... так сказать, привлекательными сторонами жизни моей страны. Я был бы счастлив сделать это. Нам совсем не хочется, чтобы приезжающие к нам иностранцы думали, что мы только и делаем, что стреляем друг в друга.

И вдруг до Люси дошло – с опозданием, поскольку такие вещи случаются совершенно в иной вселенной, – что этот чернокожий офицер пытается к ней подкатить. Она была

ошарашена – пусть и на одно мгновение. Дома она никогда не вступала в какие-либо отношения с темнокожими, а с маори – крайне редко. Через мгновение она поняла, что расстроена главным образом тем, как восприняла слова майора Обоу. Она принялась искать более или менее вежливый способ сформулировать ответ, но, прежде чем ей удалось сделать это, майор, перемахнув то, что когда-то было главной улицей Ношри, а теперь превратилось в ряд разрушенных строений, резко затормозил.

– О, кто-то еще понял, что мы получили подарок к Рождеству! – сказал он.

Возле бывшего тротуара на главной улице стояла пародия на рождественское дерево: к высокому столбу были привязаны собранные по округе ветки (что непросто было сделать, поскольку вся местность вокруг была стерилизована гербицидами), на которых кто-то установил и зажег три свечи. На куске белой ткани, бывшей когда-то чьей-то повязкой, было написано по-французски: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИР! СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!».

– Вы христианка, мисс Рэмидж? – спросил майор.

Люси слишком устала, чтобы вступать в теологические споры, а потому просто кивнула.

– Я тоже, конечно, – сказал Обоу и, повернув, устремил машину в направлении ряда сравнительно целых зданий, в которых разместились иностранные специалисты, наблюдатели от ООН, а также высшие чиновники местного прави-

тельства, руководившие зачисткой страны от захватчиков.

— Когда я впервые приехал в Европу, — говорил между тем Обоу, — меня поразило то, как мало людей ходит в церковь. Для моей семьи и для меня регулярно ходить в церковь всегда было... правильной вещью. В провинции, даже здесь, например, люди продолжают поклоняться идолам, верят в духов и *джуджу*. Но образованные люди, и это не обсуждается, обязаны принадлежать либо к христианам, либо к мусульманам. Хотя христианином в нашей стране быть трудно, если помнить, сколько бед нам принесла жадность христиан... О, взгляните, какие изменения уже принесла ваша работа в это печальное место!

Вновь замедлив ход, майор помахал группе из десяти-двенадцати местных, куда входила и парочка женщин, которые разожгли костер перед когда-то красивым домом и танцевали в круге, ритмично хлопая в ладоши. Все они были босыми, и Люси показалось, что одна из женщин была пьяна — цветастый кусок ткани, которым она была обернута, сполз, и теперь ее груди, вяло свисавшие вниз, при каждом движении танца мотались из стороны в сторону.

— Хорошие люди, — сказал майор Обоу. — Простые, но милые и добродушные. Я так рад, что эта чертова война закончилась и...

В его голос вкрались дерзкие нотки.

— ...что у нас есть такие друзья, как вы.

Майор остановил джип. Они добрались до дома, где оста-

новились Люси. Дома эти когда-то построили парижские компании для своих сотрудников не самого высокого полета. Тогда эти дома окружала буйная растительность. Нынче деревья и кустарники исчезли, став жертвами дефолиантов, а вся земля вокруг была испещрена воронками от снарядов. Когда Люси сюда приехала, над местностью висела вонь разлагающихся тел, главным образом людских. Неприятные запахи с тех пор никуда не делись, но это были в основном запахи сожженного топлива – от машин и самолетов.

Майор помог Люси выбраться из джипа, галантно подав руку, как это делалось в стародавние времена в Европе. Люси едва не засмеялась, представив то, как она выглядит – одежда грязная, рвань и лоскуты... Голова ее слегка кружилась от выпитого бренди.

– Не забудьте то, что я предложил, – произнес майор, пожимая ей на прощанье руку, после чего отсалютовал и, вернувшись в машину, уехал.

Мама приготовила более-менее сносный ужин: консервированные бобы, восстановленные из порошка яйца, консервированные фрукты. Пока служанка накрывала на стол, Люси сняла свою испачканную одежду и, приготовив халат, принялась растирать тело влажными антисептическими салфетками. Воды здесь не хватало, и ее использовали только для питья.

Постепенно до нее стал доходить шум из соседних домов,

куда возвращались их обитатели: врачи, один швед, другой чех, агроном-мексиканец и несколько чиновников ООН, приписанных к Комиссии по перемещенным лицам. Чуть дальше проживала небольшая компания итальянских монахинь. Люси никогда не видела, чтобы монахини носили рубашки или шорты. На них неизменно красовались закрывавшие лицо куколи. От кого монашки прятались? От мужчин?

Подумав о мужчинах, Люси вспомнила предложение майора Обоу. Тот был весьма настойчив, а у нее не было никакого желания принимать это предложение. Почему? Потому что он темнокожий? Конечно, нет! Она надеялась, что нет. Просто сейчас ей не до серьезных отношений. А майор, в конце концов, был красив, очевидно, умен, если говорил как по-английски, так и по-французски. Говорил он и на родном языке, который впитал с молоком матери...

Матери!

Желудок Люси вдруг конвульсивно сжался. Самые неуместные во время еды воспоминания! Люси помчалась в уборную в задней части дома и там освободилась от еды, которую с таким трудом в себя затолкала. Может быть, это вовсе не от воспоминаний, думала она, содрогаясь над круглым отверстием в бетонной плите, а от излишка бренди? Хотя какая разница?

Как много всего она видела! Дети, умершие в утробе, умершие при рождении – просто потому, что их тела были деформированы, а потому нежизнеспособны. Можно бы-

ло подумать, что после вьетнамской войны... Но люди чаще всего вообще ни о чем не думают. Слезоточивый газ, сонный газ, нервно-паралитические газы, дефолианты – весь набор химикатов, используемых в современной войне, содержался в тканях этих людей. Однажды Люси принимала роды у одной из беженек, которая вместе со своими соплеменниками, как ей казалось, наконец попала в безопасное место. У нее была тройня, и все – мертвые, изуродованные химией. А все потому, что по пути в это безопасное местечко люди питались листьями и кореньями, росшими в пропитанной химикатами земле.

Люси вернулась в комнату и, размышляя, погрузилась в полузабытьё, на минуту утратив представление о том, где находится и что делает. Где-то вдалеке слышался шум, который она поначалу приняла за тот, который слышала в своих ночных кошмарах, – грохот боев, которые, как она боялась, могли вновь начаться в стране. С усилием она сбросила с себя оцепенение. Грохот явился ей не во сне, он был реален! Слышалась стрельба.

Ужас овладел ею. Она выпрямилась и прислушалась. В комнате царила абсолютная темнота, окна были закрыты шторами. И тут же приступ паники прошел. Она действительно слышала выстрелы, но в их последовательности чувствовалось нечто жизнерадостное, веселое, как в грохоте пестард или фейерверка. Кроме того, краем уха Люси расслышала ритмичный стук барабанов и даже пение.

Она двинулась к окну, и вдруг все ее внимание переключилось на то, что происходит с ней самой, – внутренняя поверхность ее бедер была мокрой. О господи! Месячные начались! Забавно, но, приехав в Ношри, Люси забыла об обычной боли, которая раньше предупреждала ее о наступлении этого события, как будто, столкнувшись с царящей здесь смертью, ее тело уже мало обращало внимания на собственные ничтожные недомогания.

Найдя салфетки и приведя себя в порядок, Люси позвала служанку. Ожидая Мауа, она подошла к окну, выходящему на улицы города, и, отодвинув штору, посмотрела наружу. Костры. Ну что ж, это расточительство, но вполне простибельное. Люди празднуют. Где-то нашли алкоголь, а может, и приготовили сами. Она же видела танцующую пьяную женщину. А перед Рождеством...

Костры?

Люси пригляделась к желтым огням. Они были не в городе, а далеко за городом, в районе аэродрома. И это были не маленькие костры, а огромные языки пламени.

Это горел самолет!

– Мауа! – крикнула Люси и, схватив фонарик, который всегда был возле ее постели, бросилась в комнату, где спала девушка. Соломенный тюфяк, на котором та обычно лежала, был пуст.

– О господи! – прошептала Люси и поспешила назад, в спальню, чтобы одеться, найти тампоны и пистолет, который

перед ее отъездом ей дал отец и которым она ни разу еще не воспользовалась. Но через мгновение из гостиной донесся грохот – входная дверь рухнула под чьим-то вторжением, а потому Люси остановила свой выбор лишь на оружии, решив остаться – как была – в халате.

С пересохшим ртом, босая, Люси выключила фонарик и осторожно вошла в гостиную.

– Руки вверх! – закричала она, вновь включив фонарик и приготовившись нажать курок – движение, которое и удивило ее, и неприятно поразило.

На пороге ничком лежал человек в форме цвета хаки, по которой расплывалось красное пятно. Кровь. Это был майор Обоу: пистолет возле правой руки, левое плечо разбито, из кровавого месива торчит кость.

– Майор! – прошептала Люси, но голос изменил ей. Здоровая рука майора, словно гигантский паук, скребла по полу, пытаясь схватить оружие.

– Бесполезно, – проговорил он хрипло по-французски, после чего поправился, произнеся это слово уже по-английски, и уточнил слабым голосом:

– Патрон кончился.

– Но что случилось?

Люси отложила свой пистолет и, посветив фонариком, склонилась над раненым. В голове ее пронеслись мысли, все – о самом насущном: позвать врача-шведа, промыть рану, запереть входную дверь, удостовериться, что за майором не

гоняться...

Она поднялась, чтобы пойти к входной двери, но Обоу собрался с силами и схватил Люси за запястье.

– Не выходите, мисс! Все сошли с ума! Посмотрите, моя рука! Это сделал один из моих человек! Я его поймал, он воровать еда у вдовы с ребенком, а капрал говорить, это уже третий раз. Я показал ему пистолет, я приказал ему вернуть еду. Это правильно, когда офицер так говорить, верно? Еда не для солдат, еда для голодный человек в городе. А он взять топор и ударить меня. О, как больно!

– Дайте я возьму бинты! – произнесла Люси, но майор словно не слышал. Его большие глаза смотрели мимо Люси, в никуда. Он еще крепче схватил ее за руку и продолжал бормотать, а его аккуратный английский синтаксис сменился грамматикой его собственного языка.

– Нет! Не выходить! Сойти с ума! Кричать, город полный духи, духи везде, стрелять в духов. Стрелять в каждую тень. Убивать духов, убивать духов, убивать, убивать.

Снаружи слышались шаги. Люси вновь попыталась высвободить руку, но не смогла. Выругалась и, по крайней мере, выключила фонарь, чтобы не привлекать внимания, если какой-нибудь местный бродяга вломится в дом. То, что говорил Обоу, граничило с бессмыслицей, но стрельба не утихла, а даже приближалась, и сквозь открытую дверь Люси видела все новые и новые языки пламени, словно весь город превращался в извергающийся вулкан.

Вновь раздались шаги. Ее собственный пистолет лежал в стороне, оружие Обоу было разряжено. Охваченная паникой, Люси принялась вырываться – вначале мягко, а затем в полную силу. В дверном проеме вспыхнул яркий свет, и в тот краткий момент, пока он не ослепил Люси, она увидела белого мужчину в светлой рубашке, который держал пистолет. Что же явит ему свет его фонаря? Ее, в полурастерзанном виде, в крови – и ее собственной крови, от месячных, и крови Обоу; она лежит на полу, рядом с чернокожим мужчиной! Это что, сцена изнасилования?

– Нет! – крикнула она.

Но было поздно. Пистолет в руках вошедшего грохнул, и Люси почувствовала, как ее забрызгало кровью Обоу.

Когда она очнулась, человек, в котором она признала Бертила, врача-шведа, говорил:

– Мы не знали, что вы здесь. Когда начались беспорядки, нам встретилась ваша служанка, Мауа, и она поклялась, что вас нет дома. Тогда мы отправились в город, где эти сумасшедшие напали на нас со своими ружьями и топорами, крича, что мы – злые духи и нас надо убивать!

«Я уже это слышала». Люси, не открывая глаз, апатично покачивалась взад и вперед, механически потирая левое предплечье, куда ей сделали какой-то укол. Ритмом своих движений она перебивала ритм речей доктора.

– Вам повезло, что вы не видели того, что видели мы. Весь

город сошел с ума. Кругом мародеры, все горит, повсюду убивают.

– Единственный убийца, которого я видела, – это вы. Вы застрелили хорошего человека. Я собиралась с ним уехать отсюда. Мне нравилась его улыбка. У него было круглое темнокожее лицо с забавными полосками на щеках. Он умер. Вы его убили.

Люси застонала и сползла на пол.

Январь

Приказ к наступлению

*О, пусть благословенный свет
Закона и добра
Придет туда, где правды нет
И где еще вчера*

**Язычник правил и еврей,
Где Джаггернаут злой
Несчастных пожирал людей.
И пусть любви святой*

*Исполнятся сердца племен
Кровавых дикарей,
Пусть будет путь их освящен
И до скончания дней*

**Великий отзвук слов Христа
На все дает ответ,
И прежде грубые уста
Пусть славят этот свет!*

**Избавив их от темноты,*

*Дадим мы счастье им,
И в прошлое сожжем мосты,
И с Богом обручим.*

*Святой Сеятель: сборник гимнов и духовных песен.
Адаптирован для использования в миссионерских сообществах,
1887 год. Стихи, отмеченные звездочкой, могут быть опущены*

На сверхзвуке

Рейс RM-1808, следующий маршрутом из Феникса в Сиэтл, доложил об исключительно сильной турбулентности в зоне Солт-Лейк-Сити. Услышав новость, штурман рейса TW-6036, сверхзвукового лайнера, направляющегося из Монреаля в Лос-Анджелес, ударил по клавишам своего компьютера, после чего передал уточненный курс пилоту и, отвалившись в кресле, продолжил дремать.

Еще более чем тысячу миль можно лететь, ни о чем не беспокоясь.

Лапша на ушах

Смотреть его было некому, но тем не менее установленный в баре двадцатидевятидюймовый цветной экран исправно демонстрировал кадры, повествующие о сегодняшних событиях. Камера медленно скользила вдоль сточных канав в далеком Ношри, время от времени останавливаясь на лежащих там трупах. Собака, чудесным образом пережившая прошедшее лето, когда за крысу давали сотню местных франков, а за горсть печенья – пятьдесят, обнюхивала тело мертвого ребенка. Высокий темнокожий солдат, тихо ступая, подобрался к псу и перебил ему позвоночник прикладом своего карабина.

– Черт! Смотри, что этот черный ублюдок сделал с бедной собачкой!

– Что?

Но камера уже показывала обломки самолета.

Билл Чалмерс с женой уютно устроились в охотничьем домике «Апеннины». Это было самое шикарное и самое дорогое местечко во всем Тауэрхилле. Сам же город считался наиболее популярным и процветающим центром зимнего спорта во всем штате Колорадо. Теперь они сидели в баре. Бар, новехонький, с иглочки, изо всех сил старался выглядеть старинным. С пластиковых балок перекрытия сви-

сали лыжи, в каменном камине мерцало искусственное пламя, а за двойными рамами окна, занимавшего большую часть стены, мощные дуговые светильники играли разноцветными огнями на снежном склоне, ведущем прямо к гребню горы Маунт-Хейз.

Хотя Тауэрхилл находится всего в пятидесяти милях от Денвера, дорога к нему до самого прошлого года была настолько плоха, что только горстка смельчаков хотела и могла сюда приезжать. Теперь же, поскольку отпуск в горах интересует все большее количество людей, так как море стало слишком грязным, пришлось позаботиться и о дорогах, и о развитии курорта. Дороги в отличном состоянии, а сам город переживает настоящий бум популярности. Появилось сразу три ультрасовременных лыжных подъемника и супермаркет торговой сети, продающей здоровую пищу, выращенную в естественных условиях. Помимо классических горных лыж здесь появился и парк снегоходов, а банк «Колорадо Кэмикэл» планирует удвоить объем своих операций. Найдут чем заняться и любители коньков, а также мастера керлинга, и, кроме того, финансовая компания «Америкэн Экспресс» открывает здесь свои офисы. В следующем году хозяева центра зимних видов спорта обещают ввести в строй лыжный трамплин олимпийского формата.

Экран теперь показывал группу мужчин, женщин и детей, которые стояли, дрожа, недалеко от скопления домишек со-

вершенно невероятной архитектуры. Они были бедно одеты, но выглядели в целом достаточно пристойно. Вокруг них, проводя обыск, сновали полицейские с собаками.

Так это же трейниты! Какого черта?

После второго виски Билл Чалмерс почувствовал себя гораздо лучше. День был ужасен: хотя дорогу до Денвера расчистили и посыпали песком, машину страшно заносило; потом этот кошмарный ланч с Мейсонами, во время которого он обливался потом и который закончился скандалом между младшими представителями двух семейств: их сын, шестилетний Антон, не поладил с юными Мейсонами, четырех и пяти лет от роду, и убежал, испуская истошные вопли...

Но вот они наконец вернулись в Тауэрхилл, и город ему понравился – своим изобилием, бросавшим вызов тем, кто говорил о последних годах цивилизации; горами, обнимавшими равнину, на которой стоял город; а также невероятно, благословенно свежим воздухом. Приехав сюда, люди из больших городов, не расстававшиеся там с масками, быстро убеждались в их ненужности.

На экране появилась карта Центральной Америки с направленной куда-то стрелой, а потом фотографии двоих белых мужчин.

– Таня! – произнес он, но она не обратила никакого внимания на его слова, продолжая болтать с женой юриста из

Окленда, с которой познакомилась вчера.

– Да, я хотела бы еще одного, – сказала Таня, и обе женщины принялись сравнивать какие-то симптомы.

– Нет, у меня его не было, – говорила жена юриста. – Просто сыпь по всей коже и покалывание.

Господи! Сегодня люди только и говорят что об аллергиях да неврозах! Когда-то роль успешного мужчины сводилась к добыче пропитания. Теперь он должен добывать и правильные лекарства! Только где их найти – такие, чтобы борясь с одним заболеванием, не провоцировали другое?

– А теперь, – продолжала жена юриста, – меня постоянно бросает то в жар, то в холод, а иногда наваливается такая дурнота...

Неожиданно Билл Чалмерс понял, что женщины говорят о беременности, и почувствовал, что его стал бить озноб. Конечно, когда на свет предстояло появиться Антону, он застраховался от возможных патологий, но, несмотря на его положение в «Городе Ангела», все это обошлось недешево, и после благополучных родов Том Грей сказал ему, какие подводные камни им пришлось обойти. Слова, всплывшие в памяти, бросили его в дрожь: муковисцидоз, фенилкетонурия, гемофилия, гипотиреоз, синдром Дауна, тетрада Фалло, алексия, дихроматизм... Список был бесконечен, и создавалось впечатление, что каждый нормальный взрослый нынче – это чудо и отклонение от нормы!

Теперь понятно, почему сам Грей так и не женился. Да и

он, Билл Чалмерс, вряд ли рискнет завести второго ребенка.

Телевизор перешел к спортивным новостям и в первый раз завладел вниманием большинства собравшихся в баре.

– Таня! – вновь позвал он.

Та наконец обернулась. Жена юриста оставила ее и отправилась к мужу, сидевшему чуть поодаль.

– Ты посекретничала с Денис?

– О господи! – фыркнула Таня, откинувшись в кресле и скрестив руки на груди. – Так ты за этим нас сюда притащил – пошпионить за Мейсонами?

– Да конечно, не за этим!

– Тогда какого черта ты меня торопишь? Тебе в офис только в понедельник! Кстати, мог бы спросить меня в машине, а не дергать, когда я тут разговариваю с разными людьми!

Люди вокруг, привлеченные громким голосом Тани, стали поворачиваться в их сторону. Почувствовав неловкость ситуации, Чалмерс сказал примиряюще:

– Таня, милая! Прости, но это важно!

– Конечно, важно! Гораздо более важно, чем я или Антон! Я впервые за несколько лет захотела расслабиться и завести новых друзей. Посмотри, что ты сделал – прогнал Салли!

Чалмерс молча сидел, покусывая нижнюю губу.

Через мгновение, однако, Таня смягчила тон. Четыре года назад Чалмерс сидел без работы, и она знала, что это значит.

– О, черт возьми... Я расколола Денис. Она чокнутая.

Практически трейнит.

Чалмерс весь обратился в слух.

— Что ты имеешь в виду?

— Чокнутая! Это она не позволяет мужу летать. Говорит, будто хочет, чтобы ее внуки увидели солнце. Какая разница, полетит самолет с одним пустым местом или нет? Но она думает, что у Фила проблемы оттого, что она заставила его ехать в Лос-Анджелес на машине, хотя он и не винит ее ни в чем. А она хочет знать, в чем проблема. Она сама все вывалила, мне даже не пришлось ее расспрашивать. Потому что с Филом действительно не все в порядке. А тут еще Рождество. Да, он под разными предлогами отказывается ее трахать. Хотя бы и в честь Нового года. Она говорит, что намеревается действовать напрямую — взять да и соблазнить его...

Последние слова Тани утонули в звуке резкого хлопка, доносившегося с неба, — будто кто-то пытался гигантскими ладонями прихлопнуть огромного комара. Все сидящие в баре поморщились, и кто-то сказал:

— Чертов звуковой барьер! Терпеть не могу. А вы?

Но одиночным хлопком, как это обычно случалось, дело не ограничилось: после первого удара раздался низкий роко-чущий грохот — словно тяжелые камни несло по руслу бурной реки или мотало гальку в волнах особо яростного прилива. Люди замолкли и стали переглядываться, понимая, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Грохот между тем

нарастал, в нем проявились скрежещущие, свистящие нотки. Все обратились к окнам.

Таня закричала.

Неумолимо-величественная, сопровождаемая грохотом бесчисленных барабанов, подчиняясь неведомому приказу, посланному с неба, на город шла в наступление лавина – полмиллиона тонн снега и льда.

Счет к оплате

Репортер: Генерал! Не будет преувеличением сказать, что весь мир возмущен вашим решением арестовать и выдворить из Ношри американцев – работников гуманитарной миссии.

Генерал Кайка: А вы полагаете, мы позволим им остаться после того, как они отравили тысячи наших людей, убили или, что еще хуже, свели с ума?

Репортер: Но ведь нет доказательств, что именно...

Генерал Кайка: Есть доказательства. Все люди в городе сошли с ума. Они нападали на наших воинов, которые освободили страну от захватчиков. Их отравили пищей, которую прислали под видом гуманитарной помощи.

Репортер: Но какие мотивы могли быть у...

Генерал Кайка: Множество мотивов. Например, американцы сделают все, чтобы не допустить появления темнокожего правительства у обретшей независимость страны. Если же такое цветное правительство уже существует, оно по каждому поводу должно кланяться Вашингтону. Посмотрите на Китай, на Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Таиланд, Цейлон, Индонезию. Если у нас, в Африке, будет сильное государство с темнокожим правительством, белые американцы уже не смогут угнетать своих собственных темнокожих.

Репортер: Вы хотите сказать, что существует заговор с це-

люю ослабить вашу армию и таким образом обеспечить победу оккупантов?

Генерал Кайка: Мы как раз занимаемся расследованием этого обстоятельства. Но уже сейчас ясно: именно белые виноваты в начале войны.

Репортер: Но ведь у страны, напавшей на вас, не было белых советников...

Генерал Кайка: А кто отравил Средиземное море? Чернокожие? Нет, море было уничтожено отходами с европейских заводов и фабрик.

Репортер: Но ведь Асуанская плотина...

Генерал Кайка: Да, Асуанская плотина частично восстановила баланс, но до этого море умирало. Многие миллионы людей были вынуждены голодать, отчего и началась война. Потому-то я и говорю, что ответственность за нее несут белые. Обычная манера белого человека – сначала уничтожить свое, а потом воровать у других.

Репортер: Генерал, вы несколько преувеличиваете!

Генерал Кайка: А что, разве не является фактом то, что в Средиземном море уже нельзя купаться? И что там передохла вся рыба?

Репортер: Да, но...

Генерал Кайка: Больше мне нечего вам сказать.

Крысы

Закончив свою смену у Бамберли ровно в пять, Джинни была уже дома, а ее электромобиль, «стефенсон», стоял в уголке гаража. У Пита же смена была с десяти до шести часов.

Питу страшно не нравилось, что его жена работает. Лучше бы она оставалась дома и присматривала за детьми, которыми Годдард планировал обзавестись в количестве не менее двух. Хотя с этим лучше подождать до его следующего повышения по службе. Сегодня ни один здравомыслящий человек не станет заводить семью, пока не сможет себе позволить надежные медицинские гарантии, особенно для детей. В горах все не так плохо, как в больших городах, но и здесь дополнительные меры предосторожности не были бы лишними.

Вытирая ноги перед крыльцом, Пит услышал громкий хлопок. Взглянул вверх и краем глаза увидел, как всколыхнулся снег, лежащий на козырьке крыльца. Черт побери, опять кто-то преодолевает звуковой барьер! Только почему так громко? В общем все уже давно привыкли к одному-двум хлопкам за день, но не особо громким; тем более что они не причиняют никакого вреда – разве что от неожиданности прольешь кофе на брюки. На этот раз, однако, сержанту Чейну, дежурящему в участке, придется принять порядочно жа-

люб. А что может сделать полиция? Что тут вообще можно сделать?

Джинни была на кухне. Правда, кухней это маленькое помещение можно было назвать лишь с натяжкой, да и оборудование на ней было не новое, а купленное с рук. Впрочем, все работало исправно.

Джинни стояла у плиты – красивая молодая женщина на год его старше, стройная, но, вероятно, готовая к тридцати годам превратиться в пышку. Хотя какого черта? Пит любил мясо. Поцеловав жену на ходу, Пит достал свою вечернюю пилюлю от аллергии и прошел к раковине, чтобы набрать в стакан воды.

Джинни остановила его, крикнув:

– Пит! Не пей из-под крана! Прислали предупреждение. Вон там, на столе.

Вот те раз! Пит подошел к столу и увидел красную полоску бумаги с черными буквами. Знакомая история: *Авария на очистных сооружениях, воду пить только после кипячения. Сооружения ремонтируются и заработают в ближайшее время...*

– О черт! – воскликнул Пит. – Похоже, здесь становится не лучше, чем в Денвере.

– Да нет, милый. В городе такие вещи случаются постоянно, а у нас это лишь второй раз за зиму. Может, выпьешь пива?

– Пива? Отлично!

– Возьми в заморозке. И прихвати одну для меня. Я тут вожусь с особо сложным рецептом!

И она помахала вырезкой из газеты.

Улыбнувшись, он отправился к холодильнику и вдруг, замерев на месте, дернулся рукой к бедру – туда, где обычно висел пистолет. Увы, теперь его там не было, и Пит разочарованно застонал.

– Что такое? – переполошилась Джинни. – Еще одна крыса?

– Здоровая! Я таких еще не видел.

Но крыса исчезла.

– Я же говорил тебе: вызови службу очистки, – сказал Пит.

– Так я и вызвала. Только они жалуются – слишком много работы. Обещали заглянуть не раньше чем через неделю.

– Понятно, – вздохнул Пит. – Все, с кем я встречаюсь...

Он не договорил и открыл холодильник. На двух его полках лежали пакеты и коробки со знакомой торговой маркой – между идеально округлых грудей девушка держала початок кукурузы – весьма фривольная композиция, напоминавшая мужские причиндалы в полном наборе.

– Опять была в «Пуританине»? – спросил Пит.

– Потратила бонусы, – отозвалась Джинни оборонительным тоном. – Кстати, там не так уж все и дорого. А вкус совсем другой, гораздо лучше.

– А что за бонусы?

– Так я же тебе говорила! Бонусы получили все, кто работал сверхурочно на линии упаковки. Паковали товары к Рождеству. По двадцать долларов каждому от мистера Бамберли.

– Да, я вспомнил, – кивнул он, взяв две банки пива из упаковки на шесть банок. Двадцать долларов сегодня – это капля в море. Хотя он скорее вложил бы их в полис «Города Ангела» – нужно же думать о времени, когда они наконец решатся завести ребенка. Эти страшилки про химикаты, которые все друг другу рассказывают! Отличный повод, чтобы взвинтить цены на так называемую здоровую еду, как это и делает «Пуританин».

Вспомнив о гидропонной ферме, Пит спросил:

– А как твоя нога, детка?

Это гладкое пятно на ее коже – словно кусочек бедра покрыли глазурью.

– Они были правы. Это грибок. Ты же знаешь, мы должны носить маски против актино... Как ее бишь зовут? Я что-то такое и подцепила. Но мазь помогает, все теперь нормально.

Пита передернуло. Подцепить грибок! Господи, такое может случиться только в фильме ужасов. Все это уже тянется больше месяца, и он до сих пор ловит себя на том, что, как чокнутый, постоянно осматривает свое тело.

Он сделал большой глоток.

– Послушай, милый, – неожиданно сказала Джинни. – Я видела тебя по телевизору.

– В колонии у трейнитов?

Он уселся в кресло.

– Да, там был парень с камерой.

– Зачем тебя туда послали? – спросила Джинни.

– А разве в программе не говорили?

– Я успела посмотреть только самый конец. Поздно включила.

– Понятно. Нам был звонок из Лос-Анджелеса. Помнишь черного парня, который бросился под машину накануне Рождества? Он был там за главного. Возникло подозрение, что он принимал наркотики. Нам велели все там перевернуть и найти наркоту.

– Я думала, что трейнители ими не балуются.

– А мы ничего и не нашли. Кстати, дикое местечко. Все там сделано из бог знает чего. Вручную. А люди... Даже не знаю, что и сказать. Странные какие-то.

– Я видела кое-кого из них в «Пуританине», – сказала Джинни. – Выглядят вполне обычно. А дети хорошо воспитаны.

Рановато обсуждать, как лучше всего воспитывать детей. Хотя придет время...

– Они, конечно, могут выглядеть и безобидными, – согласился Пит. – Но это пока их мало. А как соберутся толпой, тут жди неприятностей. Дело не только в том, что они везде малюют свои черепа и кости. В Лос-Анджелесе, например, они блокировали улицы, разбивали машины и магазины.

– А Карл говорит, они делают это, чтобы разбудить людей

и показать, в какой мы все находимся опасности.

Черт бы побрал твоего Карла! Но Пит не сказал этого вслух, зная, с какой любовью Джинни относится к своему младшему брату. Тому скоро стукнет двадцать, он самый способный среди сестер и братьев Джинни. Правда, бросил колледж – «о, эти тупицы-преподаватели!» – и теперь работает вместе с Джинни у Бамберли.

– Послушай, – сказал он. – Они могут жить так, как хотят, это их дело. Но по работе я обязан вмешиваться, когда кто-то начинает ломать и жечь машины, грабить магазины. И вообще вредить другим людям.

– Карл несколько раз был у них в коммуне, и, по его словам... Хотя лучше не будем спорить.

Она заглянула в бумажку с рецептом и продолжила:

– Нужно подождать еще минут десять. Пойдем в гостиную, посидим.

Они уселись. Пит заметил, что жена мнется, явно желая о чем-то его попросить.

– Что такое? – спросил он.

– Понимаешь, милый, мне так хотелось бы микроволновку! Тогда не имело бы значения, когда ты приходишь. Обед был бы готов мгновенно.

Зазвонил телефон.

– Сиди, – сказала Джинни. – Я отвечу.

Он, улыбнувшись, послушался.

Но не успел он усесться поудобнее, как она громко, почти

криком, позвала его:

– Пит! Скорее одевайся!

– Да что там такое, черт возьми?

– Лавина сошла. Накрыла все новые дома на той стороне города.

Облако величиною с ладонь человеческую

...опубликовано в специальном докладе Организации Объединенных Наций...

Предполагаемый рост уровня умственных способностей населения в так называемых отсталых странах объясняется учеными, которые в течение трех лет проводили соответствующие исследования, улучшением рациона питания и возросшим качеством санитарии. Обратная тенденция, наблюдаемая в так называемых передовых странах, по их же мнению, вызвана все более интенсивным загрязнением окружающей среды. Отвечая на просьбу корреспондента прокомментировать доклад ООН, Президент, отбывающий в Голливуд, где он планирует провести свою ежегодную итоговую пресс-конференцию, сказал: «Если они такие умные, то почему такие бедные?»

Сегодня во время пресс-конференции в Тегусигальпа было официально заявлено, что причиной исчезновения Леонарда Росса, регионального агента компании «Спасем Землю», а также доктора Исаяи Уильямса, британского врача, был акт терроризма. Войска проводят широкомасштабную операцию по поиску пропавших, пока не давшую никаких результатов.

Комментируя широкий общественный резонанс, вызван-

ный отставкой бывшего президента фонда «Спасем Средиземное море» Дотторе Джованни Кресиного, итальянское правительство категорически отвергло выдвинутые им обвинения в присвоении чиновниками правительства огромных сумм, выделенных корпорациями сорока восьми стран для спасения этого обреченного на гибель внутреннего моря. Новости из Рима тем не менее...

Привет от лауры

Никогда в жизни Филип Мейсон не чувствовал себя таким несчастным. Он кружил по квартире, то рывкая на детей, то требуя, чтобы Денис оставила его в покое, во имя всего святого, хотя все это время больше всего ему хотелось говорить им, как он их любит и будет любить всегда.

Но, увы, случился новый год, и без последствий не обошлось...

В последний раз, когда на него свалилась депрессия, все прошло гораздо проще: дом у них был дальше от центра, за рекой, да еще и с собственным садиком. Там он имел возможность спрятаться и переживать депрессию наедине с собой. Но в прошлом году пожары, случавшиеся по берегам реки, стали совсем невыносимыми, и не раз ему пришлось отказываться от поездки на работу по той причине, что мост был закрыт, и почти всегда из-за дыма было невозможно ни открыть окна, ни выйти в сад.

Поэтому они и переехали в этот многоквартирный дом с системой кондиционирования воздуха. До работы отсюда добираться удобнее, как и до больницы, где Джози лечат от косоглазия, а Гарольду вытягивают недоразвитые мышцы на правой ноге.

Он не мог ничего объяснить! Но и не объяснить – тоже!

Но, по крайней мере, у него было несколько минут, чтобы побыть с самим собой. Уснули дети, которые долго не могли успокоиться после катастрофической встречи с Антоном Чалмерсом – агрессивным, высокомерным, плохо воспитанным, но при всем при этом здоровым. Как сказал бы его невыносимый отец, «выживание наиболее приспособленных и прочее такое же дерьмо...».

А Денис ушла поиграть к семейству Хенлоуз, которое занимало квартиру на втором этаже. В многоквартирном доме особые отношения, люди стараются поддерживать тесные связи, ходят друг к другу в гости, играют в настольные игры. Хотя, конечно, такая тесная близость легко провоцирует вражду и ненависть, и, как думал Филип, лучше держаться от этой банки с пауками в стороне, а то получится так, как получилось (мы ведь читали исторические книги!) во времена сухого закона, когда черные банды бились на улицах за право продавать африканский кат, легкий наркотик, а люди из белых банд бросали бомбы в дома конкурентов, мешавших им монопольно распространять мексиканскую травку.

Итак, через полчаса она вернется, вдоволь пообщавшись, покажет ему свои трофеи и скажет:

– Милый, расслабься. Что бы там ни случилось, все пройдет.

Денни! Я тебя ужасно люблю, но, если сегодня ты опять будешь мила и добра со мной, я закричу.

Филип подошел к телефону и дрожащими пальцами набрал нужный номер. На том конце провода послышался женский голос. Филип произнес:

– Можно доктора Клейфорда? Это срочно.

– Доктор Клейфорд появится в своем офисе, как обычно, в понедельник, – отозвалась женщина.

– Это Филип Мейсон, региональный менеджер...

– О, мистер Мейсон!

Теперь женщина была само радушие. Клейфорд был одним из врачей, к которым Мейсон отправлял своих будущих клиентов, прежде чем оформить им полис страхования жизни; поэтому с Филипом у доктора сложились особые, более дружеские отношения.

– Секундочку, – продолжил женский голос. – Я только посмотрю, не занят ли мой муж.

– Спасибо! – сказал Мейсон и нервно закурил. Курить, с тех пор как он вернулся из Лос-Анджелеса, Филип стал вдвое больше. Попытался было уменьшить количество выкуренных сигарет, но вместо этого перешел сразу на две пачки в день.

– Да! – послышался неприветливый голос доктора.

– О, доктор...

Клейфорду не говорили «док», как прочим докторам. Нельзя было его называть и первым именем. Он представлял собой старорежимного семейного врача общей практи-

ки, который в свои шестьдесят предпочитал темные костюмы и белые сорочки – точно такие, какие носил еще в колледже, как и прочие молодые люди, которых ждало «большое будущее». Говорить с ним было все равно что говорить с министром – он всегда выдерживал дистанцию, пребывал за невидимым барьером. Но именно сейчас этот барьер было необходимо сломать.

– ...мне необходим ваш совет, – продолжал Филип, – и помощь.

– Слушаю вас.

Филип сглотнул и продолжил:

– Дело в следующем. Как раз перед Рождеством меня вызвали в Лос-Анджелес, в головной офис моей компании, и, поскольку моя жена терпеть не может самолеты – из-за того, что они загрязняют атмосферу, – я отправился туда на машине. Так вот. Я сделал остановку в Лас-Вегасе, и там – совершенно случайно, ничего не имея в виду, – подцепил девицу. Просто было немного времени, и тут она подвернулась...

– И что?

– До последнего времени меня ничто не беспокоило, но сейчас у меня почти нет сомнений – она подарила мне... горю.

Покрытые характерными пятнами трусы кружились вокруг него в хороводе, словно озорные летучие мыши.

– Понятно, – сказал Клейфорд голосом, в котором не было и тени сочувствия. – Вам следует отправиться в специа-

лизированную клинику на Маркет-стрит. Надеюсь, в субботу утром они работают.

Видел Филип эту клинику. Находящееся в депрессивном районе, словно стыдящееся своего предназначения, презируемое клиниками, где лечат более достойные недуги, это медицинское заведение всегда было переполнено молодыми людьми, ведущими себя вызывающе грубо.

– Но, доктор...

– Мистер Мейсон! Это все, что я могу вам посоветовать как профессионал. И закончим на этом.

– Но моя жена!

– У вас были с ней отношения после вашей эскапады?

– Да, в Новый год, – начал Филип, и в голове его кружились разнообразные объяснения случившегося: без этого никак нельзя было обойтись, это символично – первый день нового года, и у них такая традиция с первой встречи...

– Тогда вам следует взять ее с собой, – сказал Клейфорд и повесил трубку, даже не пожелав спокойной ночи.

Подонки! Заносчивый тупица!

Хотя что толку ругаться?

Филип положил трубку и принялся думать о том, как ему выкрутиться. Единственный вариант – солгать, рассказать о гепатите, которым, как все знали, болеет в Калифорнии каждый третий, и пропить короткий курс антибиотика...

О господи! Надо же было так влететь! По степени распро-

страненности это же вторая после кори инфекционная болезнь. Все газеты криком кричат об этом.

Так, нужно обязательно отвлечься. Все равно чем. Включить ящик. Может быть, врач в клинике будет более расположен мне помочь и удастся все скрыть? Если бы я признался Денис в том, что просто переспал с Лаурой, она бы, может быть, меня и не бросила! Но сказать ей, что я передал ей такой подарочек от случайной шлюшки, изголодавшейся по мужику...

Звук появился раньше, чем картинка на экране, и Филипа неожиданно пронзил смысл того, что говорил диктор. Это были вечерние новости. Филип почувствовал, будто недра земли разверзлись, и он летит вниз, многие и многие мили.

– ...все еще неясны последствия вчерашнего катастрофического схода лавины в Тауэрхилле...

Наконец проявилась и картинка. Полицейские машины, фонарики, вертолеты, пожарные машины, машины скорой помощи, бульдозеры, грейдеры...

– Охотничий домик «Апеннины», стоявший у самого подножья горы, полностью похоронен под снегом и льдом, – продолжал мужской голос, в котором сквозили нотки полной обреченности. Картинка же демонстрировала бесформенную массу снега, в которую закапывалась бригада мужчин.

– Прочие стоящие неподалеку домики и отели были снесены вниз по склону, некоторые – на целую милю. Нанесен-

ный лавиной ущерб составляет более пятнадцати миллионов долларов, хотя может превысить и пятьдесят.

– Фил! Я вернулась! – услышал Филип голос Денис, которая вошла, преодолев сложную систему запоров на входной двери. – Мне удалось выиграть у Джеда и Берил, и я...

– В Тауэрхилле сошла лавина! – крикнул ей Филип.
– Что?

Денис вошла в гостиную – стройная молодая женщина с грациозной походкой, в рыжевatom парике, который удачно заменил ее кудри, прикрывая шрамы, оставшиеся после стригущего лишая. Иногда Филипу кажется, что Денис – самая красивая из женщин, которых он когда-либо видел.

– О господи! – только и сказала она.

На экране спасатели вытаскивали тело из-под грязного снега.

– Но там же Билл и Таня! – сказала Денис и в растерянности села на подлокотник кресла, в котором сидел Филип. Он схватил ее за пальцы, сжал их и проговорил, чувствуя, как тошнотворная смесь ужаса и отчаяния овладевает им:

– Говорят, ущерб составит пятнадцать миллионов, а то и все пятьдесят. А ты знаешь, кто обеспечивает им страховку? Мы!

Денис ошарашенно посмотрела на Филипа.

– Фил! – сказала она, с трудом сдерживаясь. – Об ущербе будешь думать, когда вернешься в свой офис. А пока позвони узнай, все ли хорошо с Биллом, Таней и Антоном. Сейчас

время заботиться о людях, а не о деньгах!

– Я и забочусь о людях. О тебе и себе. И о наших детях.

– Фил!

– Я так и не закончил с перестрахованием всех этих заведений. Так много было работы! А все сотрудники, один за другим, переболели. Удалось перестраховать только около половины рисков.

Только сейчас Филип начал осознавать, что произошло с Тауэрхиллом и что вскоре произойдет с ним. Ужас отразился в его глазах.

– Я больше не могу, – простонал он. – О господи! Как бы я хотел умереть!

Обгоняя новости

– Это компания «Спасем Землю»? Попросите мистера Торна, – проговорил эксперт Государственного управления по делам Центральной Америки, после чего, выждав несколько секунд, продолжил:

– Доброе утро, Джерри, это Дирк. Как твой глаз? Все хорошо? Отлично? Как я? Все прекрасно! Мононуклеоз разбит наголову. Я почему звоню... Думаю, ты должен знать первым, что твоего парня, этого Росса, нашли. Его вынесло на каменистый берег этой реки, что течет через Сан-Паулу. Нет, английского доктора не нашли. Говорят, у этого Росса раздроблена голова. Возможно, виноваты речные камни, но они делают вскрытие, чтобы это подтвердить или опровергнуть. Эти вонючие аборигены совсем распоясались, и у нас теперь есть оправдание, если мы захотим им вломить. Да, буду держать тебя в курсе...

Это имеет значение

Вооруженная охрана, патрулировавшая здание головного офиса компании «Город Ангела» все десять дней, пока шли праздничные каникулы, была бы немало удивлена, если бы на все это время компанию им не составил один из топ-менеджеров фирмы – и не кто-нибудь, а сам доктор Томас Грей, к эксцентричным выходкам которого они давно привыкли.

– Чокнутый! – говорили они друг другу, и им нравилась собственная проницательность: действительно, только абсолютный тупица так любит свою работу, что даже не заводит семью.

Все это было по меньшей мере несправедливо: Томас Грей был одним из самых умных и проницательных людей своего времени.

«Редактору “Крисчиан Сайенс Монитор”», – набирал Грей...

Его безупречное умение обращаться с машинкой было предметом постоянной зависти профессиональных секретарш. В полной тишине Грей сидел на четвертом этаже здания, окруженный металлическими трупами компьютеров.

«С чувством безраздельного ужаса обнаруживаешь журнал, имеющий высочайшую, устойчивую репутацию в международных научных кругах, который беззастенчиво повто-

ряет вопли тех, кого я называю паникерами, – людей, которые, вероятнее всего, предпочли бы вернуть нас в каменный век, но лишив свойственной пещерному человеку привилегии носить меха», – продолжал Грей.

Грей посмотрел, работают ли лампы аварийной сигнализации, и не без удовольствия почесался – он страдал от легкого, но надоедливового дерматита, вызванного мыльным порошком Бирнса.

«Действительно, наш образ жизни изменяет природу окружающих нас вещей, – писал он. – Но то же самое можно сказать о любом организме. Кто из тех, кто кричит, что мы просто обязаны тратить огромные деньги на защиту коралловых рифов от морских звезд, помнит, что и сами коралловые рифы стали следствием воздействия определенных организмов на экологию планеты? Трава полностью видоизменила баланс соотношения видов, равно как и эволюция деревьев. Каждое растение, каждое животное, каждая рыба, даже каждый микроорганизм оказывают ощутимое воздействие на наш мир».

Лампочка сигнализации мигнула. Грей прервал писанину и, поменяв ленту в машинке, взял в руки журнал, редактору которого он писал. Еще раз пробежавшись глазами по оскорбившей его статье, которая, как он полагал, могла быть написана самим Остином Трейном, этим жутким фанатиком, он продолжил, стараясь влить в свой ответ как можно больше яда:

«Если мы дадим волю экстремистам, нам останется только сидеть и ждать, покуда четверо из наших пятерых детей не умрут, ибо все орехи и ягоды, растущие в пределах расстояния пешей прогулки, будут заморожены».

Грей понимал, что тратит время почти впустую – толку от письма не будет. Но он продолжал писать, так как понимал: он добавляет еще несколько маленьких кирпичиков к монументальному сооружению, которое строил вот уже много лет и которое было исключительно его личным делом.

Поначалу это было хобби, но постепенно выросло в проект, который занимал все время и все внимание своего создателя – этот проект и заставлял Грея не рвать с «Городом Ангела». У страховой компании были свободные компьютерные мощности, даже избыток – оттого, в том числе, что «Город Ангела» распространился уже почти по всей стране. Поэтому никто не возражал против того, чтобы Грей пользовался компьютерами фирмы в выходные и по вечерам. Все время, пока Грей работал, он получал приличные деньги, и, поскольку вкусы у него были самые скромные, он стал достаточно богатым человеком. Однако, вздумай он арендовать тот объем компьютерных мощностей, который был ему сейчас нужен, он потратил бы все свое состояние в течение месяца.

Конечно, он самым тщательным образом компенсировал фирме затраты на бумагу, ленту и электричество.

Подтолкнуло его к разработке проекта сделанное им открытие: будучи человеком исключительно рационального склада, он, как это делал бы самый правове́рный трейнит, выходил из себя, когда замечал, что наиболее многообещающие плоды какого-нибудь достижения человечества неизменно оборачиваются полной катастрофой. Грей понял, что компьютеры могут заранее просчитывать все варианты развития того или иного открытия и предлагать оптимальную модель его использования. Конечно, аренда компьютеров – дорогое удовольствие, но ведь любому пришлось бы раскошелиться на гораздо бо́льшую сумму в случае нарушения закона об охране окружающей среды, или при попытке преодолеть ограничения, наложенные Федеральным управлением по санитарному надзору, или же защищаясь в суде от нападков какого-нибудь пострадавшего, у которого за спиной вдруг оказалась влиятельная группа поддержки. А если сюда добавить деньги, которые тратят такие организации, как «Спасем Землю» или «Спасем Средиземное море» (а их расходы – это все равно что запирать стойло после того, как лошадь сбежала!), то общие издержки становятся просто умопомрачительными.

Когда Грею исполнилось тридцать три, он оставил карьеру независимого исследователя и овладел профессией страховщика, смутно надеясь, что в страховой компании, которая, как он полагал, просто обязана думать о последствиях человеческой близорукости, он получит отдел с оплачиваемым

штатом и начнет двигать свой проект уже на официальной основе. Но, увы, ничего из этого не вышло. Проект остался спектаклем одного актера.

Он был еще очень далек от желанной цели – создания глобального симулятора, способного показать развитие всех возможных инноваций в планетарном масштабе.

Но Грей был человеком терпеливым, а такие катастрофы, как неожиданное появление пустыни в долине реки Меконг, приводили все больше и больше людей к шокирующим выводам, к которым Грей пришел уже давно. Сможет он реализовать свой проект или нет, неизвестно. Но он должен это сделать. Однозначно!

Конечно, он находился в таком же положении, в каком метеорологи были в эпоху, предшествующую появлению компьютера, – их буквально погребали под собой все новые и новые данные, требующие медленной скрупулезной обработки. Но Грей уже разработал несколько технологических приемов, которые позволяли ему автоматически совершенствовать свою программу, и через двадцать лет... А что? У него отменное здоровье и он внимательно следит за своим рационом!

Кроме того, абсолютная, параноидальная аккуратность совсем не обязательна! Отлично подойдет и та степень точности, которую демонстрирует метеоролог, прогнозирующий погоду. И нужна эта степень точности только для того, чтобы ответственные и смелые люди могли следить за логи-

кой и последствиями прогресса человечества (в своих разговорах Грей частенько использовал эти слова, отчего многие из его знакомых считали его старомодным).

«Если кто-нибудь пожалуется, что использование инсектицидов привело к появлению паразита, который поедает его магнолии, напомните ему о том, что, если бы инсектициды не истребили личинок, против которых они были применены, у него вообще бы не было сада и никаких цветов.

Verbum sapienti.

Искренне Ваш,

Т.М. Грей, доктор философии, магистр естественных наук».

Во имя добрых отношений!

Вот что можно сказать о владельце автомобиля «хейли»: он, безусловно, уважает окружающих его людей. «Хейли» на дороге занимает минимальный объем пространства. «Хейли» не производит шума – всего лишь легкое урчание. Этот автомобиль совершенно не загрязняет воздух – в отличие от машин, работающих на бензине, даже, если на них установлены фильтры.

Поэтому любой водитель «хейли» может смело подходить к другим людям в расчете на их дружественные улыбки и слова одобрения. А что ваша машина сделала для установления хороших отношений между людьми?

Копать тебе не перекопать

Лопата вошла в снег, выхватила немногим более кубического фута и отбросила в сторону – на новый, быстро растущий сугроб. Слава богу, он не задел ни одного тела, когда вонзал в снежную массу лезвие!

Боль терзала Пита Годдарда. Точнее, у него болело то, что он ощущал как часть своего тела. Боль началась в подошвах через полчаса после того, как он принялся копать. Затем боль поднялась к лодыжкам. Теперь боль охватила икры, и Пит утратил связь со своими ногами. Ему оставалось лишь предполагать на основе житейского опыта, что ноги его по-прежнему находятся внутри его сапог.

Болели и руки. Кроме того, он был уверен, что, несмотря на перчатки, на ладонях уже появились мозоли. Было холодно, до двадцати градусов. Неистовый ветер выдувал слезы из глаз, и Пит думал, что, если бы не соль, слезы бы замерзли на его щеках.

Все вокруг походило на ад. Огни фонарей, резкие и грубые, как проклятия, извергаемые служителями преисподней, были установлены на вершинах снежных куч вместе с аварийными генераторами, которые жаловались на перегрузку, наполняя воздух скрежетом зубовым. Постоянно раздавались крики: «Сюда! Скорее!» И каждый такой крик означал, что откопали еще одну жертву, вероятнее всего, мерт-

вую, но иногда – со сломанным позвоночником, ногой или тазом. Лавина работала как пресс. Она спрессовала все, что ближе всего находилось к горе Маунт-Хейз, в некое подобие слоистой древесно-волокнутой плиты: останки людей, дерево стен и перекрытий, автомобили, зимнее спортивное оборудование, еда, напитки, мебель, ковры, вновь останки людей; все это было сплющено до такого состояния, при котором дальнейшее сжатие уже было невозможно, а затем вся эта ужасная масса отправилась вниз по холмам, чтобы донести весь кошмар до более отдаленных мест.

Среди белого снега Пит увидел красное пятно. Испугавшись, что может задеть кого-то лопатой, он отбросил ее в сторону и погрузил в снег руки. Ничего себе! Говяжий бок!

– Эй! Мистер полицейский!

Мальчишеский голос! На мгновение Питу почудилось, будто он стоит на теле ребенка. Но голос шел с поверхности и был настолько громким, что перекрывал стрекотание вертолета.

Пит поднял глаза. Балансируя на сломанной стене, над ним стоял мальчик-мулат лет одиннадцати-двенадцати, в темных шерстяных брюках и парке, который протягивал ему жестяную кружку, от которой, как от гейзера, шел вверх пар.

– Хотите супа?

Желудок напомнил Питу, что он уехал из дома, так и не пообедав. Опустив лопату, он сказал мальчику:

– Хочу, спасибо!

Здесь не место для детей – неизвестно, какой ужас мог быть в любой момент извлечен из-под снега! Но поесть – это хорошая идея. Работы всем хватит надолго. Пит взял кружку и прикоснулся губами. Суп оказался горячее, чем казался на первый взгляд. У мальчика через плечо на ремне висел большой термос. Отличная идея!

– Много мертвых нашли? – спросил мальчик.

– Было несколько, – хмуро ответил Пит.

– Никогда раньше не видел мертвецов, – сказал мальчик. – А здесь увидел уже больше дюжины.

Он сказал это столь обыденным тоном, что Пит был ошарашен. После небольшой паузы он спросил:

– А твоя мама знает, что ты здесь?

– Конечно! Это же ее суп. Когда она услышала о лавине, то сварила целую кастрюлю и велела нам принести его сюда. Надо же помочь!

Именно так! Никогда не старайтесь внушить другим людям свои представления, особенно относительно того, что, как вам кажется, хорошо и что плохо для их детей. А то, что сделала эта женщина, – это действительно конструктивно! Пит вновь попробовал суп, обнаружил, что он достаточно остыл на холодном ветру, и с жадностью выпил его. Суп оказался необыкновенно вкусным, с кусочками овощей и ароматными травами.

– Мне было интересно посмотреть на мертвецов, – вдруг

сказал мальчик. – Мой папа на днях погиб.

Пит внимательно посмотрел на него.

– Не то чтобы мой реальный отец. Я так его звал потому, что он меня усыновил. Меня и двух моих сестер. Это было в газетах и даже по телевизору.

– Что твоя мама кладет в суп? – спросил Пит, чтобы уйти от скользкой темы. – Суп замечательный!

– Я скажу ей, что вам понравилось. Там экстракт дрожжей, овощи, из тех, что есть под рукой, и...

Мальчик совсем по-взрослому пожал плечами.

– ...майоран и все такое. Закончили?

– Не совсем.

– У меня только одна кружка, – озабоченно нахмурившись, сказал мальчик. – Как закончите, я прополоскаю ее в снегу, чтобы убить микробов, а потом поищу кого-нибудь еще.

Помолчав, он спросил:

– А вы видели моего отца по телевизору?

– Ну, понимаешь...

Пит попытался вспомнить, но не смог.

– У меня нет времени, чтобы смотреть телевизор, – сказал он. – Работы много.

– Понятно. Просто думал, что вы могли видеть, – с печалью в голосе проговорил мальчик. – Я по нему скучаю. Закончили?

Пит наконец осушил кружку и протянул ее мальчику.

– Передай своей маме, что она делает грандиозный суп, хорошо? – сказал он и похлопал мальчика по плечу. Одновременно он подумал о Джинни: его жена была чуть светлее кожей, чем он, и их дети будут такого же цвета, как и этот мальчик. Только бы они родились такими же умными и такими же здоровыми!

– Конечно, скажу, – пообещал мальчик. Потом, подумав, добавил: – Слушайте, а вам не нужна помощь? Работы-то слишком много для одного, верно?

– Нам пришлось распределиться, потому что много участков, где нужно копать, – сказал Пит. Ему всегда было трудно говорить с детьми – вероятно, оттого, что, когда он был ребенком, у него самого были проблемы. Его отец не умер и не стал героем газетных репортажей. Он просто исчез, растворился в нигде!

– Там много наших, возле машин скорой помощи.

– Ваших?

– Ну да! Мы из общины трейнитов, которой руководил мой отец, пока не погиб. Я кого-нибудь пришлю вам на помощь. Может быть, Гарри. Он большой. Как вас зовут, чтобы он знал, к кому прийти?

– Ммм... Я Пит. Пит Годдард.

– А я – Рик Джонс. Отлично, через минуту кто-нибудь будет здесь.

– Послушай...

Но мальчик уже спускался по противоположному склону

снежной кучи. С беспокойным сердцем Пит вновь взялся за лопату. Только утром он охранял жителей общины, которые стояли на холодном ветру, пока детективы искали в их доме наркотики. А теперь трейнит будет его помощником...

Ну и черт с ним! Главное было вытащить как можно больше несчастных, похороненных под толстым слоем этого белого дерьма.

Впрочем, все обошлось. Утром он не видел Гарри. Правда, тот был ненамного крупнее Пита, но выглядел посвежее. Скупно поприветствовав полицейского, он принялся за дело, и некоторое время они ожесточенно вгрызались в снег, пока не откопали первую жертву, молодого человека, посиневшего от удушья и холода. Пришли люди с носилками, заглянули в карман жертвы, достали документы, та оказалась молодым офицером военно-воздушных сил, только что из академии. Офицер был из местных. Пит помнил его – когда-то выдавал ему парковочный талон. У одного из носильщиков, работавших чуть поодаль, было портативное радио, и диктор сообщил, что Тауэрхилл объявлен зоной катастрофы.

– Первой из многих, – пробормотал Гарри.

– Что? – переспросил Пит.

– Я сказал, что эта лавина – первая из многих, и за ней обязательно последуют другие. Вы же не думаете, что это окажется единственная лавина, вызванная пролетом этих во-

нующих сверхзвуковых машин! Швейцарцы, кстати, запретили им летать над своей территорией с октября по май. Пообещали, что будут сбивать. То же самое сказали и австрийцы.

Пит, глубоко вздохнув, протянул Гарри лопату:

– Давай копать!

Спустя десять минут стало ясно, что они вышли на что-то большое и твердое: это была полуразрушенная комната, если не целый дом. Под первым напором лавины стена из грубого камня подалась, но не разрушилась, а съехала с фундамента и, потрескавшись, теперь стояла изломанной линией ненадежно соединенных друг с другом фрагментов. Балки перекрытия над ней не упали, а сложились, оставив под собой пустоту, в которой...

– О господи! – произнес Гарри. – Там кто-то живой.

Что-то едва заметно шевелилось во мраке. Белом мраке. Снег проник в комнату через окна и засыпал пол.

Слышался слабый крик, крик ребенка.

– Стой, идиот! – рявкнул Пит на Гарри, когда тот, отбросив лопату, изготовился, чтобы нырнуть под напряженно застывшие стропила. Пит схватил Гарри за руку.

– Там же ребенок! – проорал Гарри. – Убери руки, или я...

– Да посмотри ты сюда!

И Пит показал на огромный козырек снега, который, подобно волне, вздыбился над раздробленной стеной. Эта волна, которую они растревожили своими действиями, каза-

лось, дрожала и готова была обрушиться вниз, туда, откуда доносился детский крик. Нет, не одного, а двоих детей – из снежно-каменной ловушки послышался плач второго малыша.

– Да, вижу, – овладев собой, сказал Гарри и, прищурившись, посмотрел в открывшийся темный проход. Видна была опрокинутая и безобразно перекошенная кровать, много снега.

– Да, могли запросто обрушить на себя этот козырек, – проговорил Гарри. – Фонарик есть?

– Отдал кому-то. Пойди возьми другой, – сказал Пит. – И позови народ на помощь.

Он еще раз взглянул на висящую гору снега. Вся громада, нависшая над детьми, казалось, держалась на одной балке перекрытия. Пит не рискнул бы даже дотронуться до нее – столь хрупкой она представлялась. Спичка, которая держала на себе бог знает сколько тонн снега и камней.

– Бегу! – отозвался Гарри. – Скоро вернусь.

И исчез в темноте.

– Держитесь, ребята! – крикнул Пит в холодную темноту. – Мы вытащим вас как только сможем!

Одна из теней в темноте задвигалась. Поднялась. Посыпался снег.

Тень принялась карабкаться к свету.

Снег задвигался.

– О господи! ГАРРИ! БЫСТРЕЕ!

Вновь раздался плач. Плач, который тут же утонул в скрипе балки, на которую всем весом навалились несметные тонны снега и камня. Пит увидел, как балка стала покрываться трещинками, отстреливая в воздух крохотные белые хлопья, которые, словно пыль, затанцевали в воздухе, пронизанном светом аварийных ламп.

О господи! Джинни, Джинни! Это мог быть наш ребенок, не тот, что за пятьдесят долларов в день, а просто – наш ребенок. Мы ведь могли бы иметь детей, и...

Эти мысли вихрем пронесли в голове Пита. Он отбросил лопату. Балка все подавалась и подавалась. Пит развернулся так, чтобы балка легла ему на плечи, и ухватился за нее ладонями. Тяжесть, немыслимая, невыносимая, навалилась на него. Он глянул вниз. Его сапоги выше щиколоток вошли в спрессованный снег.

Но он, по крайней мере, еще слышал детский плач.

Едва заметный след

– Как все прошло, Пег? Хорошо? – спросил Мел Торранс, пока она преодолевала баррикады рабочих столов, стеклянных переборок, шкафов с толстыми и тонкими папками. Газета теряла деньги. Большинство газет теряли деньги. Даже Мел в качестве кабинета использовал какой-то закуток, дверь в который была постоянно открыта за исключением тех моментов, когда он принимал таблетки. Это обстоятельство некоторое время ставило его в тупик. Странно. Что интимного в этой процедуре? Разве неизвестно, в наше-то время, что все без исключения принимают какие-нибудь таблетки? Что в этом такого? Кстати, пора принять таблетку.

– Все отлично! – отозвалась Пег. Она уезжала, чтобы сделать репортаж о взрыве канализационной трубы. Кто-то что-то слил в канализацию из того, что сливать не полагалось, и это нечто вступило в реакцию с чем-то еще. Грохнуло как надо! Такие вещи происходят постоянно. Слава богу, сегодня никого не убило!

– Род сделал фото?

– Сказал, через пару часов придет.

– Он что, не взял «полароид»? А, черт, конечно, не взял. Уровень загрязнения не тот...

Мел вздохнул. Количество дней, когда можно было снимать на «полароид», теперь значительно уступало количе-

ству, когда этот фотоаппарат даже расчехлять не имело смысла – в атмосфере разлилась слишком высокая концентрация веществ, которые делали моментальную съемку невозможной.

– Ладно. Пара часов – это нормально, – сказал он. – Кстати, там тебе письмо. На твоём столе.

– Все потом!

Но в письме было сказано, что Пег должна срочно связаться с городским моргом, а потому, одной рукой вставляя лист бумаги в машинку, другой она стала набирать номер. С пятого раза ей удалось попасть на нужный аппарат, и на том конце ответили:

– Стэнвей.

– Это Пег Манкиевич.

– О, отлично! – Доктор вдруг понизил голос. – Слушайте, мы наконец получили результаты полного лабораторного анализа по вашему другу, Джонсу.

– О господи! Вы хотите сказать, все это время они терзали его тело?

Пег словно со стороны услышала, как срывается ее голос. Неужели они не могут оставить в покое его труп? Неужели им мало того, что они оскорбили саму память о нем? Как они там писали? «Этот самоназначенный пророк лучшего мира оказался всего-навсего еще одним наркоманом»? Конец цитаты.

– Понимаете, чтобы найти следы наркотика, нужно время, – сказал Стэнвей, явно не поняв Пег. – Хроматография на бумаге, иногда газовая хроматография.

– И что они нашли?

– Галлюциноген. Нет, не ЛСД, не псилоцибин, но что-то похожей молекулярной структуры. Я не вполне понял, что там, в отчете, – я все-таки патологоанатом, а не биохимик. Но решил, что вы хотели бы сразу узнать обо всем.

Хотела бы! Да это самое последнее из всего, что я хотела бы узнать!

Но, так или иначе, теперь есть документальные свидетельства.

– По какой причине проводилось столь тщательное расследование?

Стэнвей колебался мгновение, после чего ответил:

– Полиция настаивала.

– Вот неугомонные! Они же не нашли наркотиков в его машине!

Ну, если быть точной, не в «его», а в арендованной. Трей-ниты изо всех сил старались не загрязнять окружающую среду, и вся денверская коммуна, состоящая из шестидесяти с лишком человек, имела в своем распоряжении всего один автомобиль, джип, которым мог воспользоваться по мере необходимости каждый из них. Правда, были у них еще и велосипеды.

Кроме того, они сознательно отказались от наркотиков,

даже от травки, хотя были вполне лояльны к пиву и вину.

Пег открыла ящик своего рабочего стола, где у нее лежали бумаги, относящиеся к смерти Децимуса, и в очередной раз пробежала глазами список вещей, которые были найдены в его машине. вполне ожидаемый набор: дорожная сумка со сменой одежды, бритва, зубная щетка, что-то вроде корзины для пикника, папка с аналитическими материалами, посвященными присутствию химических веществ в пище, еще одна папка с документами по поводу дела, которое и привело его в Лос-Анджелес, – как раз того дела, где фигурирует его сестра, Фелиция.

Стэнвей покашливал в телефонной трубке. Началось все как вежливое напоминание о том, что идет разговор, а продолжилось и закончилось как настоящий кашель, прерываемый извинениями. Когда он оправился от приступа, то спросил:

– Что-нибудь еще?

– Нет, – ответила Пег отсутствующим тоном. – Спасибо, что сообщили.

Положив трубку, несколько долгих минут она сидела, глядя в пространство. Злость полыхала в ее душе зловещим пламенем. Она во всем убедилась, и никакие аргументы «против» уже не работали: Децимуса отравили.

Но как? И кто?

Полиция отследила его путь, нашла парочку водителей грузовиков, которые видели, как Децимус спал в машине в

парке около кафе, куда они заглянули, чтобы перекусить; потом он проснулся, и эти же водители, зашедшие в туалет, вновь столкнулись с Децимусом – тот брился. Еще один контакт с людьми у него был на заправке, где он заливал в машину бензин – вот и все! Ни с кем он больше не говорил и не встречался!

Сестра же Децимуса, само собой, не могла сообщить ничего полезного. Сразу после его смерти она отказалась дать интервью на том основании, что плохо знает брата, с которым не виделась много лет. Но когда Пег, чтобы заполнить вдруг возникшую дырку на полколонки в номере на двадцать третье декабря, с разрешения Мела разразилась морализаторским предрождественским текстом, в котором упомянула Децимуса, Фелиция позвонила и поблагодарила ее. Но Пег пока так и не встретилась с сестрой Децимуса, которая, если судить по ее речам, не очень-то сочувствовала убеждениям брата.

Кстати, а как там с едой? Ее исследовали? Конечно, нет! Да ее и выбросили уже, наверное...

Неожиданно пришло решение. Пег протянула руку к телефону и каким-то чудом с первого раза пробилась в Лос-Анджелес. Попросила Фелицию.

– Боюсь, она сейчас в конференц-зале. Что ей передать? Секунду Пег колебалась.

– Передайте, что звонила Пег Манкиевич. Скажите ей, что ее брат, что совершенно точно, был отравлен.

– Простите, я не вполне поняла.

Говорящая чихнула и извинилась.

– О черт! – устало произнесла Пег. – Забудьте.

Она положила трубку и почувствовала, как поплыла картинка перед ее глазами. Слезы? Нет! Она ощутила, как натянулась кожа на лбу, как ее начало трясти. О черт! Очередной приступ синусита!

И она бросилась к кулеру, чтобы, пусть и с опозданием, проглотить и запить таблетку.

Все продолжается

...и доктор Исая Уильямс, чье тело было обнаружено в овраге недалеко от Сан-Паулу. Расследование тормозится тем, что армейский пресс-секретарь назвал упрямством и безответственностью местных жителей. «Они даже не ведают, что творят», – заявил он.

В самих США сенатор-республиканец от штата Колорадо Ричард Хоуэлл обрушился с яростной атакой на тех, кого он называет «хлорофиллоликами». Они, как он полагает, тормозят развитие американского бизнеса, уже страдающего от безработицы и последствий экономического спада, настаивая на том, чтобы отечественные производители соблюдали нормы, которыми пренебрегают наши иностранные конкуренты.

В Южной Италии продолжаются бунты в маленьких городах, чье население напрямую зависит от рыбной ловли. Тем временем пыльные бури в Камарге...

Экскаватор

– Привет, Фред!

– Привет!

Остин Трейн (он же Фред Смит) поднимался по лестнице. Здесь царил страшный шум: кто-то орал, работали одновременно телевизор, радио и проигрыватель; какой-то музыкальный фанатик лупил по барабанам, а поверх всего плыли могучие звуки ссоры, которую вновь затеяла семейка Блоров. Их квартира напоминала город, подвергшийся бомбардировке, и все соседи напряженно ждали – один из Блоров убьет другого, и победителю тогда достанется куча разбитой посуды и мебели.

Конечно, неплохо было бы вмешаться. Но – к черту! Он устал, а порез на ноге, который у него появился пару дней назад, припух и начал болеть. Похоже, инфицирован!

Фред остановился, чтобы достать ключ и открыть свое жилище, и увидел новую надпись на стене: «ТЫ МЕНЯ УБИ-ВАЕШЬ!». Трейнитский лозунг, нанесенный пурпурового цвета губной помадой. Очень модной.

Фред осмотрелся. Его не очень беспокоило то, что в его отсутствие кто-то мог забраться в его конурку и ограбить. Конечно, пришлось бы что-то и прикупить, чтобы возме-

стить потерю. Но то, что находилось в его квартирке, принадлежало не Остину Трейну, а Фреду Смиту. Буфет и холодильник были заполнены простой, дешевой едой (интересно, а какую еду можно сегодня назвать дешевой?): консервированной, замороженной, сублимированной, подвергшейся облучению, полуприготовленной и даже полупереваренной. Стены облупились и нуждались в покраске. Окна в целом были в порядке, но одно стекло разбилось и было заделано куском картона. В квартирке, помимо Фреда, жили блохи, с которыми не могли справиться никакие специалисты по уничтожению домашних насекомых; в стене шуршали крысы, мыши повсюду оставляли издевательские следы своей жизнедеятельности, тараканы только жирели на рассыпанных повсюду инсектицидах – даже нелегально приобретенных.

Сам он не прибегал к помощи химии – так он зашел бы слишком далеко в своей роли Фреда Смита; но каждый в доме знал, где можно достать ДДТ или диэldrин, хотя они и не помогали.

Фреда не так уж и заботили условия, в которых он жил. Жить можно по-всякому. Но жизнь в этом доме для Фреда кое-что значила. А что? Надежду? Возможно. Представьте, что великого еретика Франциска Ассизского поставили перед двадцативосьмимиллионной аудиторией телевизионного шоу Петронеллы Пейдж (как поставили однажды Остина Трейна) и попросили назвать причины, по которым он ведет

себя так, а не иначе. Нам говорят, «кроткие унаследуют Землю». А это значит, что кроткие избраны Богом. И я постараюсь быть кротким – но не потому, что мне нужна Земля – после того, как вы ее испохабили, пользуйтесь ею сами. Нет, просто я тоже хочу стать избранником Божиим.

Что и требуется доказать.

Да и, кроме всего прочего, животных я люблю больше, чем вас, ублюдки!

Из всех человеческих пороков Остин Трейн более всего ненавидел лицемерие. Понял он это года три назад, после достаточно длительного периода гонений, которые были вызваны публикацией «Справочника для выживших к 3000 году от Рождества Христова». До этого его книги пользовались умеренным успехом, а кое-что даже переиздавалось в ориентированной на широкую публику форме, в бумажной обложке. Публика, все более и более встревоженная происходящими в мире переменами, вяло почитывала работы Трейна, когда неожиданно, буквально в течение одной ночи, он стал знаменитым – его разрывали на части телепрограммы, он писал для популярных журналов, его приглашали в качестве консультанта правительственные агентства. А затем, так же внезапно, как все началось, все и остановилось.

Теперь у него было шестьсот тысяч долларов в банке, и он жил в трущобах в центре умирающего города.

Там, откуда он сбежал (а он думал о той жизни как об

ином мире), царили ложь и обман. Программы, на которых он появлялся в роли Кассандры, спонсировала компания, изготавливавшая пластик и ежедневно сливавшая миллион галлонов горячей отравленной воды в реку, которая, прежде чем достичь океана, поила одиннадцать городов. Его печатали в газете, для производства которой было нужно ежемесячно вырубать тысячу гектаров леса. Страну, в которой он прославился как образец для подражания, как истинное воплощение принципов свободы слова, ее безумные правители превратили в пустыню.

Он заболел. Буквально.

Два месяца Трейн провалялся в больнице. Дрожь била его без остановки; он плевался в людей, которые приходили пожелать ему скорейшего выздоровления; он рвал на мелкие кусочки телеграммы, в которых его поклонники выражали надежду на то, что он скоро поправится; он швырял на пол еду, потому что она была отравлена, он хватал за шею медсестер и, пользуясь их временной беспомощностью, читал им лекции о сросшихся в утробе близнецах, о диоксиде серы, соединениях свинца и ДДТ. Сестры слабо усваивали материал лекций, потому что в этот ответственный момент громко верещали.

Когда его отпустили из больницы, посадив на транквилизаторы, он поселился среди людей, которые жили слишком трудно, чтобы иметь время, возможность и удовольствие лгать друг другу, – в самом запущенном районе города, где

когда-то родился. У него был выбор: Барселона, стоящая на берегу выгребной ямы, в которую превратилось Средиземное море, Рим, где уже несколько десятилетий не отменялось военное положение, или Осака, жители которой вместо обычных дверей устанавливали воздушные шлюзы. Нет, ему нужно было иметь возможность говорить с окружающими его людьми, а поэтому он вернулся домой. «Я – человек! – много раз говорил он, когда купался в лучах славы. – Я столь же виновен в том, что происходит, сколь виновны и вы. И либо мы вместе прозреем и покаемся, либо вместе умрем; и это должно быть наше совместное решение».

Правда, Остин Трейн совсем не ожидал, что оставит после себя такое удивительное наследство – трейнитов, которые не имели ни своей официальной организации, ни газеты и тем не менее время от времени давали о себе знать тем, что стигматизировали ту или иную компанию или предприятие, которое, как они полагали, наносит ущерб человечеству и угрожает его жизни. Причем делали они это столь организовано, что казалось, за всеми их действиями стоит некто, управляющий ими телепатически, или нечто, напоминающее то, что умные люди называют коллективным бессознательным. Остину было понятно – это не он создал трейнитов. Они уже были созданы до него и только ждали его появления.

В компанию трейнитов входили прежде всего студенты-радикалы, для которых жизненным принципом стала

фраза: «Да, я – комми!». Этот принцип пророс и оформился после вьетнамской катастрофы, когда тысячи тонн гербицидов, дефолиантов, ядовитых газов и порошков были обрушены на страну и превратили ее в пустыню, причем едва ли не в мгновение ока, на протяжении одного только лета. Мертвые растения, мертвые животные, мертвые реки.

И мертвые люди...

Когда, несколько позже, Трейн ввел в оборот термин «комменсалист», он быстро стал общеизвестным. Но задержался в обороте недолго. Вместо него газеты и телевидение изобрели кличку «трейнит», и она стала по-настоящему популярной.

Самому Остину даже немного льстило это обстоятельство, но его также посещали и страхи, одним из которых он поделился с Пег. В ночных кошмарах ему являлись люди, которые отказались от своих имен во имя его имени, и он просыпался со стоном и в холодном поту, потому что этих фанатиков были миллионы – абсолютно идентичных, где одного невозможно было бы отличить от другого.

Но, так или иначе, теперь он жил в одном из заброшенных домов в центре Лос-Анджелеса. Когда-то здесь располагались офисы, пять лет назад преобразованные в жилые помещения, ни разу с тех пор не ремонтировавшиеся и даже не крашенные. Людей, живших вокруг Остина, отличало одно качество, которое позволило ему относиться к ним терпимо и даже по-дружески, – они никогда не врали, за исключени-

ем, может быть, тех случаев, когда речь шла о сохранении самой их жизни. Что он по-настоящему ненавидел, так это то, что с недавних пор называл не преступлением, а смертным грехом.

Ибо он, «Дженерал Моторс», Бог наш и наш ревнитель, обратил жадность свою на детей и наказал их до третьего и четвертого колена. Ибо она, «Всеобщая электрическая компания», изуродовала их конечности и закрыла их глаза. И до последнего утра человечества, Ты, Отец наш, сидящий в Вашингтоне, проклинал нас, щедро одаривая человека насущными пропионатом кальция, моноглицеридом ди-ацетата натрия, броматом калия, фосфатом кальция, основным хлорамином, сульфатом калия алюминия, бензоатом натрия, бутилированным гидроксизолом, моноизо-пропилцитратом, аксерофтолом и кальциферолом.

К этому добавьте немного муки и соли.

Аминь.

Корни волос и бровей у Остина были чем-то инфицированы, отчего кожа на голове шелушилась желтоватыми хлопьями, оставляя красные полосы обнажившейся незащищенной плоти. Он втирал в пораженные места лосьон, который порекомендовала миссис Блор – они с мужем страдали от того же недомогания, как и дети на первом этаже. Лосьон помог, и теперь кожа на голове зудела не так сильно, как на прошлой неделе.

Потом Остин поел, почти автоматически, словно это была не еда, а горючее. Вкус хлопка или картона еде придавали последствия неумеренного использования удобрений, которые, сколько бы их ни лили, постепенно превращали поля и огороды в пыльную пустыню. Нечто подобное происходит и с кожей его головы.

Остин думал, и в его сознании формировалось что-то важное, ради чего он забросил книги, даже свои любимые – «Библию», «Бхагавад-Гиту», «Йога-сутры» Патанджали, «И Цзин», «Пополь-Вух», «Книгу Мертвых»....

«Если сейчас знание мое недостаточно, достаточным оно не станет никогда. И это невыносимо!»

За едой Остин думал. Думал он и тогда, когда работал. Он нашел себе место в городском департаменте санитарии и очистки, и, работая там, еще раз убедился – мусор и мораль неразделимы: пустые банки из-под пива могут и обязаны стать предметом проповеди, а засорившиеся канализационные трубы – темой книг.

Люди, работавшие с ним бок о бок, считали его странным, даже тронутым. Может быть. Но то, что его трогало, было – как он полагал – чрезвычайно важно. И неожиданно, буквально в последние недели, оно предстало перед ним. «Это имеет значение! Мне открылось нечто из того, о чем не думает никто. Я верю в это, верю искренне и страстно. И я должен заставить людей услышать меня и понять. В свое, судьбой назначенное, время».

По ночам, когда Остин ложился спать, он чувствовал, как сердце его бьется в резонанс с пульсом планеты.

Разборка

– Парик! Быстро!

Терри Фентон вздрогнул и повернулся. Когда раздался этот крик, он стоял над своим рабочим местом и разглядывал свои материалы и оборудование: пигменты, пудры, красители, лаки – все лучшего качества, конечно, все из Перу или Мексики, все основано на растительных эссенциях, восках и вытяжках. Ни капли синтетики. Для Терри Фентона – все только самое лучшее! Сейчас он находился в высшей точке своей карьеры – главный гример нью-йоркской студии «Эй-би-эс», одетый и напомаженный куда более изысканно, чем почти все звезды, ежевечерне кормящие невзыскательную публику телесуррогатами различных шоу.

– Пет! Ради всего святого! Что ты сделала со своими волосами?

Достигшая сорока, но идеально гламурная, стройная, как молодая лань (результат тщательно соблюдаемых диет), Петронелла Пейдж бросилась к своему креслу. На ней был умопомрачительной красоты ало-желтый брючный костюм, а лицо ее выглядело столь безупречным, что Терри нужно было лишь чуть-чуть тронуть его ароматным тампоном. Но волосы Пет были испещрены беспорядочными грязно-белесыми полосками.

По понедельникам и средам она вела вечерние ток-шоу,

была очень популярна и ожидала, что ей вот-вот передадут и пятницу, потому что пятничный ведущий, англичанин Адриан Спрейг, уже трижды за последние три месяца не являлся на свою программу и находился на грани нервного срыва из-за того, что его рейсы из Лондона отменялись после звонков о заложенной в самолет бомбе.

– Подам в суд на мамашу за то, что родила такую уродину! – прошипела Петронелла Пейдж сквозь стиснутые зубы, уставившись на кошмар, который открылся ей в зеркале.

– Но что случилось?

Терри щелкнул пальцами, и сейчас же в комнату влетел его ассистент, светлый мулат, Марлон, который обожал своего патрона и считал Петронеллу женщиной «что надо». Следом за Марлоном вбежала Лола Краун, ассистент продюсера Яна Фарли, с пачкой листов бумаги, на которых была изложена информация о гостях сегодняшнего шоу. Передача, кстати, должна была начаться через двадцать минут.

– Слава богу, вы добрались! – нервно-радостно произнесла Лола. – Ян с ума сходил. Рвал и метал!

– Заткнись и отвали! – прошипела Пет и хлопнула ладонью по пачке бумаг, которую ей протянула Лола. – Мне глубоко наплевать, кто у нас сегодня в программе. Да хоть бы и его протухшее величество король Англии! Я не могу выйти к камере с такой башкой!

– И не выйдешь, детка! – принялся успокаивать ее Терри, рассматривая обесцвеченные полосы на голове звезды. Лола,

едва не плача, принялась собирать с пола выбитые из ее рук бумаги.

– Но, господи! Почему ты не поехала, как и всегда, к «Гвидо»?

– Это и случилось в «Гвидо»!

– Что?

Терри был в ужасе. Всем, кому он служил, он настоятельно советовал мыть, укладывать и стричь волосы только в «Гвидо», потому что это было единственное место в Нью-Йорке, которое гарантировало, что их шампуни изготовлены на основе натуральной дождевой воды. Воду они импортировали из Чили.

– Нитрат серебра! – вздохнула Петронелла. – Я позвонила Гвидо домой и спустила на него всех собак. Он проверил и перезвонил, чуть не плача. Похоже, в Чили искусственно вызывали дожди. Обработывали тучи этой гадостью. Помнишь, в прошлом году я приглашала на шоу типа, который этим занимается? Гвидо думает, что нитрат серебра из шампуня прореагировал на закрепляющий лосьон.

Марлон принес целый ворох париков. Терри схватил один из них, потом взял щетку, расческу, баллончик с аэрозольным лаком и принялся грубо разрушать тонкую работу, выполненную Гвидо, – гладко пригладил и расчесал волосы Пет, после чего, водрузив на ее голову парик, начал укладывать.

– Это надолго? – спросила нетерпеливо Петронелла.

– Пару минут, – отозвался Терри. Он не стал говорить, что может один в один скопировать все, на что способен лучший стилист из заведения Гвидо, да еще в десять раз быстрее. Все знали, что Терри – непревзойденный умелец.

– Слава богу! – удовлетворенно хмыкнула Пет и, стрелой взглядом в сторону ассистентки, сказала:

– Ну что, Лола, сучка драная, где мои бумаги?

Девушка засопела:

– Прошу вас!

Петронелла пробежалась по страницам.

– Помню. Джейкоб Бамберли.

– Ему нравится, когда его зовут Джеком.

– Засунь то, что ему нравится, куда подальше. Либо ему, либо себе. В конце концов, шоу на себе тащу я.

И, обратившись к стилисту, сказала:

– Терри, детка! Это тот самый тип, который отправил в Африку свое отравленное дерьмо. Знаешь, что я с ним сделаю? В начале шоу я заставлю его съесть миску его же продукта, а в конце мы все посмотрим, что с ним произойдет.

И, обратившись уже к другому документу, задумчиво закончила:

– И, конечно же, я буду его звать Джейкоб.

Это была операция, проведенная исключительно силами организации «Спасем Землю». Когда стало ясно, что обвинения, высказанные генералом Кайкой, не были банальной

пропагандой, всех охватила паника. Какой смысл говорить, что «Спасем Землю» является самой большой гуманитарной организацией в мире и одновременно быстрее всех является туда, где разыгрываются катастрофы? Уже только потому, что ее штаб располагался в Америке и Америкой же финансировалось большинство ее проектов, на нее падала тень вьетнамской экологической катастрофы, устроенной как раз американцами. Вне всякого сомнения, ООН вскоре должна была начать расследование.

Соответственно, государство ясно дало понять, что, если организация «Спасем Землю» не предоставит в свою защиту весомых доказательств своей невиновности, ее бросят на растерзание шакалам. Черное население нескольких городов, готовое без особых оснований поверить в этнический геноцид, уже начало организовывать беспорядки.

Некоторые шаги уже были сделаны. «Нутрипон», находящийся в продаже, подвергли анализу, который показал, что с продуктом все чисто. Теперь под подозрение попали дрожжи и грибы, используемые на гидропонной ферме. Все задавали себе вопрос: а не могла ли случайно попавшая в продукт сортовая примесь, идентичная, скажем, плесени спорыньи, привнести в его партию некий природный психоделический яд? Неплохо было бы получить образец прямо из Ношри, но, вероятнее всего, все, что туда послали, было либо съедено, либо сожжено. Так что быстро со всеми этими вопросами разобраться не удастся.

Судорожно пытаюсь найти, чем можно отвлечь от себя внимание разъяренной публики и официальных органов, люди из «Спасем Землю» обнаружили, что Джейкоб Бамберли находится в Нью-Йорке – это был его ежемесячный визит в головной офис треста, носящего его имя. Само небо давало им шанс перевести стрелки на изготовителя «нутрипона». Руководство «Спасем Землю» из всех сил потянуло за все доступные им ниточки. Вечернее шоу Петронеллы Пейдж обычно собирало около тридцати миллионов зрителей. Иногда, особенно в понедельник, когда люди предпочитали оставаться дома после тяжелых выходных, их число приближалось к сорока миллионам. Чтобы попасть на шоу в качестве героя или жертвы, нужно было как следует постараться – раскрутить свой имидж в газетах, создать волну. И все хотели побывать «у Пет» в этом качестве. «За одного битого трех небитых дают» – так ведь звучит народная мудрость!

Кроме того, если война – это ад, то адом можно считать и самое мирное время.

Так он оказался под яркими студийными огнями. С одной стороны от него сидел Джерри Торн из «Спасем Землю» – маленький, чрезвычайно напряженный человек с нервным тиком, терзающим его левую щеку, а с другой – главный бухгалтер «Треста Бамберли», Мозес Гринбрайер, толстый весельчак, способный ответить на любой вопрос, касающийся

финансирования гидропонной фермы Бамберли.

Своим париком Терри сотворил истинное чудо, но тем не менее Петронелла, когда заняла свое место в студии, была в дурном расположении духа. Правда, настроение ее несколько улучшилось, когда пошла реклама – герои рекламы были ее щедрыми спонсорами, и она просто не могла не радоваться при просмотре роликов про сеть супермаркетов здоровой еды «Пуританин», про производителя «хейли», а точнее фирмы, которая импортировала эти машины из Англии, где они были слишком дорогими, чтобы все англичане без исключения могли ими пользоваться, а также про компанию «Джонсон и Джонсон», выпускавшую лучшие маски в стране. И все-таки улыбка, которую изобразила на своей холеной физиономии Патронелла, была несколько искусственной.

– Привет, человечество! – произнесла наконец Петронелла, и аудитория в студии, взявшая на себя роль представителей этого биологического вида, дружелюбно отозвалась.

– Сегодня, – продолжала Петронелла, – с нами в студии находятся люди, чьи имена фигурируют во всех новостных программах, а также те, кто станет героями новостей уже завтра. И не только в нашей стране, но и в иных частях света. Например, в Африке.

Отлично! Ян Фарли человек сообразительный, все понимает с полуслова. Как и планировалось, камеры приблизились к Джейкобу Бамберли, уставились в него, словно пулеметы расстрельной команды, и дали его крупный план, про-

игнорируя людей, которые сидели справа и слева.

– Нас всех шокировали и ввергли в ужас факты, сформулируем это максимально мягко, массового безумия, случившегося в Ношри перед самым Рождеством. Мы радовались тому, что ужасная война наконец закончилась, но именно в этот момент нам прислали картинки и рассказали истории о массовом сумасшествии населения. Мы даже слышали о фактах каннибализма среди изголодавшегося народа, живущего в этой несчастной стране.

– Было установлено, – продолжала Петронелла, – что людей заставил сойти с ума яд, оказавшийся в продуктах, присланных организацией «Спасем Землю», а именно в «нутрипоне», партия которого была изготовлена на гидропонной ферме, принадлежащей Джейкобу Бамберли. Это недалеко от Денвера, штат Колорадо...

Ян, детка! Да благословит тебя Бог! Какой же ты умница!

На протяжении всей вводной речи Фарли держал фокус одной из камер на нервно подрагивающих ноздрах Бамберли. Понятно, эта картинка была не единственной на мониторе – режиссер попеременно показывал то Петронеллу, то аудиторию, то гостей. Но Бамберли об этом не знал. Видно было, что он боится повернуться и посмотреть в монитор – а вдруг в этот момент на картинке именно он?

О, Ян, крошка моя! Какой ты понятливый!

– Джейкоб! – обратилась Петронелла к Бамберли, одарив

его ослепительной улыбкой. – Вы ведь не будете возражать, если я стану называть вас Джейкобом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.